U 292/1172

2022044326

И 292/1172

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

Дорогому Александру Александровичу Сергееву
-в знак давних дружеских отношений
22/9 Апр. 1933

С. А. Голубцов.

Московская провинциальная власть и дворянство в ожидании Пугачева. [1])

„Здесь обстоит все благополучно“... „Здесь, всемилостивейшая государыня, все тихо“... „Здесь, слава богу, все благополучно“... Так постоянно в письмах успокаивал императрицу о Москве ее главнокомандующий кн. М. Н. Волконский,—успокаивал он и тогда, когда Пугачев стоял под Оренбургом, и в тот тревожный месяц, когда „злодей“ был ближе всего к „Белокаменной“. И, как-бы в параллель официальной оценке, другой современный свидетель, помещик Болотов, вспоминал позднее в своих записках: „В такое время, когда мысли о Пугачеве не выходили у всех у нас из головы, и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не вьявь, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы и в сердцах своих вообще все бунтовали, и готовы были, при малейшей возгоревшейся искре, произвести огонь и полымя. Пример бывшего незадолго в Москве страшного мятежа был у нас еще в свежей памяти, и не только подобного тому ж опасались, но ожидали того ежеминутно...“ Провинциальный дворянин, умный, наблюдательный и откровенный, сам того не предполагая, приоткрыл завесу над кажущимся казенным благополучием „всеподданнейших“ реляций московского главнокомандующего, и стали видны неприкрашенные действительные переживания тех, кто в страхе и волнении следил за происходившими событиями. Конечно, и Волконский, осведомляя императрицу, имел в виду не одну Москву, и Болотов, часто раз'езжавший, бывавший и в столице в тревожные дни, писал не только о своих соседях по имению в Коломенском уезде, где он тогда находился. [2])

Сохранившиеся архивные материалы позволяют восстановить с сравнительной полнотою картину настроений и деятельности московской провинциальной власти и дворянства в июле, августе, отчасти и в сентябре 1774 г., в связи с Пугачевщиной. Официальный источник, откуда заимствуются данные, даже при осторожном подходе к его показаниям, говорит без скупости о состоянии правящих кругов провинций Московской губернии в ожидании Пугачева. Получаемые сведения тем более интересны, что они в весьма значительной степени окрашены местным колоритом, особенно ценным в данном случае, в виду громадных размеров Московской губернии времени Пугачевщины. Накануне издания „Учреждения о губерниях“ 1775 г. Московская губерния состояла из одиннадцати провинций, большинство которых вскоре сделались самостоятельными административно-территориальными единицами (наместничествами, иначе губерниями). Провинции эти были следующие: Московская, Переяславль-Залесская, Углицкая, Ярославская, Костромская, Юрьев-Польская, Суздальская, Володимирская, Переяславль-Рязанская, Тульская и Калужская. [3]) Настроения и действия дворян и администрации на такой обширной территории, естественно, могли и не быть однородными.

I.

„Народное возмущение“ 1771 г., давшее такую яркую вспышку в Москве, во время морового поветрия, не было узко-столичным. Как известно, оно сопровождалось рядом отголосков в различных местностях тогдашней Московской губернии. Быстрым подавлением „чумного бунта“, повидимому, вряд ли достигли полного успокоения. За короткий промежуток времени, отделяющий события 1771 г. в Москве от того момента, когда летом 1774 г. в столице заговорили о новой опасности— от Пугачева, высшей московской власти, в лице московских департаментов Сената, главнокомандующего кн. Волконского, губернатора гр. Ф. А. Остермана и Московской Губернской Канцелярии, пришлось не раз принимать меры по борьбе с беглыми и „разбойниками“ в пределах Московской губернии, шайки которых иногда достигали значительных размеров. „Воровства и разбои“, с чем московская администрация так напряженно боролась тогда, были, по всей вероятности, не одной простой уголовщиной; не даром при этом обращались за помощью прежде всего к предводителям дворянства. „Народное волнование“ в населении Московской губернии заметно усилилось, когда со всех сторон пошли смутные и тем более возбуждавшие слухи об успехах „третьего императора“, который за Волгой, на далеком Яике, возвещает народу волю. У Тульской Провинциальной Канцелярии были, очевидно, достаточно серьезные основания, если она еще в феврале 1774 г. настойчиво требовала присылки ей пороха из Москвы, в чем, правда, встретила тогда отказ. Но до поры, до времени, заволжский „злодей“ редко упоминался в официальной переписке по Московской губернии. Главнокомандующий Волконский и московские департаменты Сената, сами достаточно осведомленные о восстании, не считали нужным держать своих подчиненных в известности о нем; приходилось, как правило, молчать и провинциальной администрации. Положение резко изменилось в июле 1774 г., когда Пугачев, пройдя поспешным маршем из-за Урала на Каму, появился 12-го числа этого месяца под Казанью, переправился вскоре через Волгу и оказался, таким образом, в непосредственной близости к районам, не ожидавшим его вовсе. В это самое время Нижний Новгород лихорадочно готовился к обороне, и вести, одна другой тревожнее, передавались по „трактам“, шедшим к Москве. Из городов Московской губернии раньше других откликнулся на эту тревогу Гороховец, лежащий всего восточнее.

Гороховецкая Воеводская Канцелярия рапортовала 22-го июля в Москву губернатору Остерману, что по известиям, полученным от проезжих людей и вернувшихся из Нижнего Новгорода местных жителей, в Нижнем „состоит от неприятеля большая опасность“, и с крайней поспешностью чинится крепость. Канцелярия подчеркивала, что рапортует, не имея письменных сообщений ни откуда. „Оный неприятель“ теперь в Курмыше, всего в 120 верстах от Нижнего, от которого до Гороховца менее 100 верст. Рапорт заканчивался просьбой о помощи „без потеряния времени“, „ибо оный город Гороховец без вспоможения сам собою никоим образом защититься не может“: ни укрепления, ни артиллерии и пороху, ни воинских людей в нем нет. В тот же день было послано из Гороховца донесение и во Владимир, в тамошнюю Провинциальную Канцелярию. А 23-го июля, в виду умножившихся тревожных слухов, в Гороховецкую Воеводскую Канцелярию были срочно собраны на совещание дворяне из уезда. На прямо поставленный вопрос о помощи они дали уклончивый ответ, заявив, что усердие к защите города, конечно, имеют, но людей за ними мало, да и оружия нет. По соста-

вленному, несколькими днями позднее, списку „жительствующим в Гороховецком уезде наличным помещикам", таковых действительно оказалось только пять человек, и за ними крестьян и дворовых людей по третьей ревизии 149 душ м. п., тогда как крестьян и купцов в городе с уездом по той же ревизии числилось 7.150 душ.

Владимирская Провинциальная Канцелярия, получив 24-го июля сообщение из Гороховца, сейчас же известила об этом промемориями соседние Суздальскую и Юрьев-Польскую провинциальные канцелярии. Владимирскому предводителю дворянства было предложено затребовать через частных смотрителей дворян, предписав спешно прибыть в провинциальный город с дворовыми людьми, при оружии и на конях. Экономическим казначеям и дворцовым управителям также послали указы относительно явки подчиненных им крестьян. Тогда же в присутствие Провинциальной Канцелярии были призваны первостатейные владимирские купцы и судьи местного Магистрата, и заявлено им, что надлежит расставить караулы в пристойных местах и вооружить всех граждан. Конечно, было сообщено обо всем в Москву. В рапортах от 24-го июля Владимирская Провинциальная Канцелярия обращала внимание кн. Волконского и губернатора Остермана, между прочим, на то, что в ее ведении 152 колодника, среди них 78 пленных турок, а воинских сил налицо слишком мало, в пору только справиться с этими пленными, если они возмутятся. Самый же город защищать некому, так как значительная доля местной команды еще раньше была отправлена, частью на помощь Нижнему Новгороду, по просьбе губернатора А. А Ступишина, частью для сыска разбойников, появившихся во Владимирском и Муромском уездах. Между тем, имеется опасение, не стали бы „злодеи приближаться к здешним местам". В свою очередь, владимирский оберкомендант фон-Каульбарс также рапортовал 24-го июля Остерману, что по предписанию М. Н. Волконского он действительно выслал 18-го июля в помощь Нижнему команду из 80 человек, и у него остались лишь инвалиды, мастеровые, да сверхкомплектные, притом без ружей; а необходимо иметь хотя бы сотню ружей, да с 12-ть пушек.

В Суздале, получив 25-го июля промеморию Владимирской Провинциальной Канцелярии от 24-го, сначала не поверили сообщению, что Пугачев уже вступил в Курмыш. Находя поступок Владимирской Канцелярии „неосновательным", решили поэтому ограничиться соответствующим представлением в Москву, а самую промеморию содержать пока в секрете, во избежание наибольшей огласки. Но уже через два дня положение резко изменилось. 27-го июля была доставлена из Владимира новая промемория, и из нее узнали, что в Муроме от проезжих курьеров и капитана Пыпина, командированного из Москвы в Нижний со снарядами и порохом, получено подтверждение относительно опасности в Нижнем от „злодея"; а поручиком П. Вражским привезено даже в Муром известие, что Пугачев вступил в Арзамас [1]). Немудрено, что под влиянием таких тревожных вестей Суздальская Провинциальная Канцелярия быстро отказалась от своего первоначального выжидательного образа действий и в тот же день, 27-го июля, определила: устроить вокруг города рогатки, всех проезжих подвергать опросу, а дворян, с предводителем во главе, „яко сынов отечества, старающихся о своей и общей пользе и безопасности", в срочном порядке собрать для „советывания" и отобрать подписки о немедленной явке по первому требованию. „Для сохранения всего гражданства" и „соблюдения целости города" признали необходимым возложить все дело обороны на воеводского товарища Шелегова и с этой целью „подтвердить наикрепчайше" обывателям, десяцким и соцким, чтоб они были в „беспрекословном

послушании" Шелегову по части полиции. Одновременно всю денежную казну отправили из Суздаля в Москву.

Тревога сказалась и в Юрьеве-Польском. В присутствие местной Провинциальной Канцелярии (повидимому, 25-го июля) явился сержант Тимофей Чупров и сообщил, что 24-го июля в полдень, когда он был на площади, в харчевне юрьевского купца Егора Мерщикова, по дороге из Суздаля в'ехало в Юрьев человек с десять незнакомых ему людей. Одеты они были в серые кафтаны и шубы, некоторые имели при себе шпаги; вообще, казались с виду военными. На вопрос Чупрова, кто они такие, неизвестные отвечали: „Команды государя императора Петра Федоровича. Что де вы думаете, что оный умер? Но он де не умер, а жив!" Запасшись табаком и „харчевыми припасами", поинтересовавшись тем, кто в местной канцелярии присутствующие, незнакомцы отбыли по направлению к Москве. Сообщение сержанта Чупрова должно было произвести впечатление на юрьевскую администрацию, тем более, что в тот же день, 25-го июля, в Юрьеве получили промеморию из Владимира с известием о вступлении Пугачева в Курмыш. Под влиянием полученной с двух сторон информации, Провинциальная Канцелярия немедленно приняла ряд чрезвычайных решений. Прежде всего, ею было определено обратиться в столицу за воинской командой и соответствующими военными припасами, в виду полной беззащитности города и уезда, если испытания действительно случатся. Решили также немедленно известить об опасности Суздаль, Переяславль-Залесский, Ростов, собственные приписные города и об'явить повсеместно, что подозрительных людей „без вероятных паспортов", агитаторов и шпионов, буде такие появятся и „простых людей от их верности отважатся склонять", надлежит ловить и пересылать немедленно в Юрьев. Всех дворян или приказчиков их было признано необходимым обязать через нарочных подпиской, чтоб они расставили по селениям караулы, вооружили, чем возможно, жителей, хотя бы даже заостренными кольями и шестами, содержали всех в полной готовности и, в случае „неприятельского в здешний уезд нападения", защищались всеми доступными средствами. Отставных солдат готовились вызвать в Юрьев немедленно. Не довольствуясь оборонительными мероприятиями на местах, Юрьевская Провинциальная Канцелярия одновременно решила собрать у воеводы местное дворянство и первостатейное купечество „для советования" о том, на какое „вспоможение" от них может рассчитывать сам провинциальный город в случае нападения. Провинциальному Магистрату было предложено осуществить в городе такие же меры предосторожности, какие были установлены в отношении уезда. „Нечаянный неприятельский на здешний город набег" представлялся вполне вероятным. Казалось необходимым устроить в Юрьеве у больших проезжих дорог крепкие и хорошие рогатки с караульными при них из местного купечества и солдат штатной команды; приезжих всех подвергать опросу; из крестьян пропускать в город в торговые дни лишь тех, кто предявит письменное свидетельство, скрепленное подписью соответствующего священника, приказчика или старосты. Было признано еще целесообразным „малые переулки все завалить наглухо или ямы порыть, дабы не можно было во оные ни проезжать, ни проходить". Решили местному купечеству „подтвердить накрепко", чтоб приготовило „пристойное" число хлеба и прочих с'естных припасов на случай, если в городе соберется „немалое число людей".

Тревожное настроение коснулось также Переяславля-Залесского. Раньше, чем дошли официальные известия о Пугачеве из соседних провинций, Переяславль-Залесская Провинциальная Канцелярия

уже располагала некоторой информацией, благодаря предводителю местного дворянства, который только что вернулся из поездки во Владимир. „Не имея ни откуда повеления", на основании одного сообщения предводителя, канцелярия не решилась, однако, принять мер к чрезвычайной „предосторожности", дабы тем не навести напрасного в народе слуху", а запросила 26-го июля через нарочного инструкций из Москвы, на случай, если действительно выяснилась вполне „надобность" в такой „предосторожности". При этом внимание столицы обращали на полную неподготовленность города в военном отношении

Городом, особенно часто писавшим в разных направлениях относительно „известного злодея" в 20-х числах июля 1774 г., был Муром. 24-го июля отсюда был послан с нарочным рапорт губернатору Остерману, что, „по разнесшемуся слуху" и „по причине взятой предосторожности в Нижнем Новгороде и Арзамасе от набегу злодейских партий самозванца Пугачева", „здесь в городе к безопасности те ж приняты меры", и воинскую команду „для защищения" прислать необходимо. Одной из принятых мер было то, что „удержали на защищение города" команду секунд-майора Стефанова, прибывшую для сыска воров, в количестве около сорока человек. 26-го июля, располагая успокоительными известиями через своего же гонца, только что вернувшегося из Нижнего, муромская воеводская канцелярия, однако, решила „взятой предосторожности не оставлять", а на следующий день получила из Арзамаса сообщение, показавшееся вполне подтверждающим правильность принятого образа действий. Именно, до Мурома дошел приказ Арзамасской провинциальной канцелярии, писанный накануне (от Мурома до Арзамаса считали 120 верст), которым сообщалось, что из Алатырского уезда в Муромский вступила на-днях „злодейская" партия, человек в сорок невооруженных, партия эта производит теперь по жительствам различные варварства и к тому же „устращивает", что следом за нею идет настоящая большая команда „Петра Феодоровича". Муромской Воеводской Канцелярии пришлось отказаться от мысли „удержать у себя" сыскную команду секунд-майора Стефанова и отправить ее немедленно по большой дороге из Мурома на Арзамас, предписав расположиться на границе обоих уездов. При этом Стефанову давалось право пополнять свой отряд дворовыми людьми и крестьянами, „лучшими и надежными", и тех, „кто не пойдет и при случае вас", отсылать тут же в Муром.

Гороховец, Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Муром... За пять дней, с 22-го по 26-ое июля, тревога охватила местности, жизненно связанные с „большим Владимирским трактом" от Москвы на Нижний, как лежащие вдоль него, так и расположенные в стороне. Чрезвычайно характерно, что в условиях поразившей всех „экстры" сходство настроений, взаимную осведомляемость, известное единодушие в оценке момента и необходимых мерах обнаружили как раз те города, из каких вслед за Пугачевщиной составилась Владимирская губерния.

В середине 20-х чисел июля 1774 г. было тревожно не на одном Владимирском тракте. За отсутствием прямых данных, картина настроений и действий администрации и дворянства в Переяславль-Рязанской провинции не представляется ясной. Но не подлежит сомнению, что, по крайней мере, сам провинциальный город Переяславль Рязанский жил эти дни „в страхе и во всякой осторожности ко обороне", ожидая с Низу Пугачева. Несколько больше у нас сведений о Костроме. 26-го июля здесь получили рапорт из Кадыевской Воеводской Канцелярии с волнующим известием, что разбитый под Казанью Пугачев

бежит теперь влево от Волги, не то в сторону Вятки, не то к Царево-Кокшайску и на Унжу. К этому известию в Костроме отнеслись с тем большим доверием, что источником был казанский губернатор фон-Брант, подтверждено оно было указами нижегородского губернатора Ступишина и до Костромской Провинциальной Канцелярии дошло официальным путем через Юрьевец-Поволжский, Унжу и названный Кадый. Подобно всем этим городам, подобно Судиславлю, откликнувшемуся на призыв Кадыевской Воеводской Канцелярии принятием „предосторожностей", также и в Костроме наметили к осуществлению ряд чрезвычайных мер. Прежде всего, решили известить о происшествиях Ярославль, Суздаль и Москву, а Любимской и Кинешемской воеводским канцеляриям послать указы с соответствующими наставлениями. В Костромском же уезде сочли необходимым немедленно об'явить с подписками всем помещикам, а, в случае их отсутствия, приказчикам и старостам, также выборным и крестьянам, чтоб они подготовились встретить „злодея" и „толпы" его „крайним сопротивлением". При этом для ободрения рассказывалось, что „неприятель" разоряет и причиняет вред лишь селениям, не делающим отпора. В Провинциальную Канцелярию были вызваны дворяне для „заблаговременного распоряжения" „ко всей той предосторожности", а на границы Костромского уезда с Кинешемским послали с целью разведки капитана Михайлу Янова.

Так, в провинциях Московской губернии, обращенных в сторону мятежного края, раньше всяких указаний и распоряжений из Москвы, местной властью в ожидании „злодея" была поднята тревога, приняты первые меры на случай опасности, и сам собою наметился путь совместных действий администрации с провинциальным дворянством. Чрезвычайные события заставляли выходить из пределов установленных административных границ и отношений, которым пришлось недолго пережить Пугачевщину („Учреждение о губерниях" 1775 г.). Возможность вторжения Пугачева с его „толпой" в пределы Московской губернии казалась вполне реальной и, в условиях неуверенности относительно „подлых людей" и „черни", серьезно опасались, как бы эта возможность, в случае ее осуществления, не стала, по выражению Болотова, той „малейшей возгоревшейся искрой", которая в состоянии „произвести огонь и полымя".

II.

Тревожный был день 25-го июля 1774 г. для высшей московской администрации. В этот день нарочный привез в столицу из Гороховца рапорт Воеводской Канцелярии от 22-го июля,—в Канцелярии Московского губернатора „зачалось" им дело о „злодее Пугачеве". Граф Ф. А. Остерман, прочтя рапорт, распорядился немедленно „взнести" его в оригинале в пятый московский департамент Сената, сообщить сейчас же в копии князю Волконскому, а Гороховецкой Воеводской Канцелярии „рекомендовать" „всячески стараться сыскивать посредство к укреплению самого того города" и оружие „изготовлять заблаговременно". В своем определении губернатор высказывал надежду, „не соизволит ли" Сенат, „в рассуждении сего происшествия или (от чего боже сохрани) от упомянутого злодея какого-либо и покушения", указать провинциальным канцеляриям: Владимирской, Юрьево-Польской и Суздальской о „скорейшем вспоможении" как Гороховцу, так и другим, лежащим по тому тракту городам. Губернатору казалось, что Сенат примет решение в самом экстренном порядке, и соответствующий сенатский указ будет отправлен в Гороховец с тем же нарочным, который только что привез

оттуда тревожный рапорт. Несколько часов спустя после рапорта из Гороховца, Остерман прочел новый рапорт об опасности, посланный 24-гриюля Владимирской Провинциальной Канцелярией.

Московский главнокомандующий князь М. Н. Волконский получил 25-го июля как копию рапорта из Гороховца, направленную Остерманом, так и рапорт из Владимира, аналогичный доставленному к Московскому губернатору. Можно предполагать, что эти официальные сообщения из уездов Московской губернии в глазах Волконского красноречивее подтверждали грозившую опасность, чем волнующие письма казанского и нижегородского губернаторов, привезенные незадолго перед тем. Тревожное настроение сменилось действиями, способными создавать тревогу.

Московское присутствие Сената в тот же день 25-го июля, совместно с Волконским, приняло чрезвычайные определения в связи с переживавшимся моментом. Первое из этих определений касалось обороны провинций Московской губернии, второе имело в виду столицу [5]). Указами на имя провинциальных и городовых воевод было решено требовать немедленного сообщения в Сенат о всех „доходящих до них о злодее Пугачеве известиях", обязательной отправки, в случае опасности, в Москву или „куда удобнее будет" всей денежной казны, а также самостоятельного принятия на местах необходимых мер защиты. Находя, что в указах нет надобности останавливаться подробнее на этих мерах, так как „благоразумный воевода найдет и случаи, и способ показать тем знаменитую отечеству услугу", Сенат, вместе с тем, счел необходимым рекомендовать воеводам „секретно и пристойно советовать" с дворянскими предводителями о „предосторожностях", а, в случае действительной опасности, и принимать их, побуждая „благородных дворян и мещан" к образованию „некоторых корпусов" из „самих себя" и из своих дворовых служителей. Московскому губернатору предписывалось немедленно отправить одного из членов Губернской Канцелярии во Владимир и Суздаль с тою целью, чтобы он сейчас же по приезде выслал оттуда за конвоем в Севск всех пленных турок, какие содержались в этих городах [6]). Сенатское определение относительно провинций Московской губернии было сообщено на места соответствующими указами, датированными тем же 25-м июля, причем действовали с такою поспешностью, что в целом ряде городов (в Туле, Серпухове, Калуге и друг.) эти указы были получены уже на следующий день.

Вызванные к жизни отчасти запросами с мест, сенатские указы от 25 июля 1774 г. всей своей формулировкой, не вполне определенной и точной, недостаточно категоричной, способны были развязать провинции руки. И в Москве действительно стали вскоре получать отовсюду известия о чрезвычайном оживлении, охватившем губернию, и о повсеместной подготовке к встрече Пугачева. Разослав по Московской губернии указы, московские департаменты Сената, однако, не радовались поступавшим ответам. В конце июля и начале августа 1774 г. рапорты провинциальных и воеводских канцелярий слушались в присутствии Сената целыми пачками, и обычно выносилось определение: „приняв за известие, сообщить к делу".

Энергичнее проявляли себя в те дни московский губернатор Остерман и состоявшая при нем Губернская Канцелярия. Так, губернатор, представляя в Сенат 27-го июля рапорт из Мурома, указывал на необходимость „немедленного тамошних мест защищения", мотивируя тем отчасти соображением, не воспользовался бы Пугачев „состоящим оттуда в недальнем расстоянии заводом". На следующий день в присутствии Московской Губернской Канцелярии, совместно с Остерманом, было постановлено, не довольствуясь сенатскими указами от 25-го июля, разо-

слать по подчиненным провинциальным канцеляриям дополнительные указы, подробно осветить в них положение в городах: Муроме, Владимире, Арзамасе и наметить ряд мероприятий для осуществления во всех уездах губернии, на основе сенатского определения. В этих указах от 28-го июля, действительно состоявшихся, сообщалось, что Владимир и Муром „все свои собирают силы" „по причине Пугачевской злодейской толпы вступления в г. Арзамас". Губернская Канцелярия рекомендовала „пристойные предпринимать меры" и по остальным городам губернии, сообща с дворянскими предводителями, с самим дворянством, купецкими головами, экономическими казначеями и дворцовыми управителями. Указывалось, что в уездах необходимо „учредить" в экстренном порядке соответствующие корпусы „из надежных и бодрственных людей", „со орудьи, у кого какое сыщется", „ко оборонению и недопущению" врага. Этим самым Московская Губернская Канцелярия как-будто обращала внимание подчиненных ей присутственных мест на то, что опасный момент, предусмотренный сенатскими указами от 25-го июля, уже наступил, и пора без отлагательства приступить к „предосторожностям", о которых в этих указах говорилось лишь предположительно. В отличие от сенатских, указы Московской Губернской Канцелярии от 28-го июля были разосланы в установленном ведомственном порядке.

Тем или иным путем в каждом городе обширнейшей Московской губернии в конце июля или в самых первых числах августа 1774 г. местная администрация имела получить из разных инстанций одно за другим не менее, чем два распоряжения о Пугачеве. Уезды, проявившие раньше инициативу в „сем важном и нужном деле", не могли не видеть в указах из столицы одобрения намеченным мерам и нового импульса к соответствующим дальнейшим действиям. В уездах, официально еще не заговоривших о „злодее", эти указы должны были в одних случаях дать выход скопившимся настроениям, в других—подтолкнуть нерешительных и робких представителей власти.

III.

Своеобразно и живо откликнулись провинции Московской губернии на указы московских департаментов Сената и Губернской Канцелярии о мерах предосторожности против „известного возмутителя". Ни вопросов и недоумений, ни отрицания и опровержений не содержалось в ответных рапортах, заверявших столицу в готовности „чинить надлежащее исполнение": на местах, очевидно, и без указов из Москвы знали об „опасности", нисколько не сомневались в целесообразности оборонительных мероприятий и, повидимому, вовсе не рассчитывали на дополнительную информацию из центра, при обилии иных источников для осведомления. Лишь из немногих местностей губернии, например, из Углича на северо-западе и с юго-запада из Козельска, пришли к губернатору доношения, где, наряду с перечислением принятых срочно мер, тем не менее, сообщалось, что там „доходящих о злодее Пугачеве слухов, кроме значущихся из присланных указов.... не состоит"; есть не мало оснований сомневаться в искренности таких сообщений. Сенатские указы от 25-го июля были необычным порядком разосланы непосредственно и сейчас же по провинциальным и уездным городам,—призывы к „благоразумию" воевод встретили отклик во всех уголках губернии, притом в ближайшие же дни. Этот отклик по своей форме в некоторых городах представляется особенно интересным.

Так, в Юрьеве-Польском, который, как видно было выше, вел официальную переписку о „чрезвычайном деле" и принял ряд

„предосторожностей“ еще до получения указов из столицы, местная Провинциальная Канцелярия, получив 27-го июля промеморию из Владимира об опасности Арзамасу и Нижнему от Пугачева, затем указ Сената от 25 июля, а на следующий день еще и указ от московского губернатора от того же числа о необходимости немедленной помощи самому Владимиру, решила в заседании 28-го июля осуществить прежде всего полностью свое первое определение о „злодее“ (см. выше стр. 10), остававшееся невыполненным в большей его части. Вопрос о „предосторожностях“ подвергся в этом заседании всестороннему рассмотрению. Происходившим в тот же день, несколькими часами позднее, чрезвычайным собраниям, дворянскому и купеческому, юрьевский воевода имел возможность предложить „к рассуждению и совету“ ряд конкретных мероприятий, формулировав предложения в виде особых „пунктов“. Перед дворянством ставилась задача организации двух корпусов: одного для уезда, другого для защиты самого Юрьева-Польского. Первый из этих корпусов рекомендовалось организовать из помещичьих крестьян и дворовых людей, в количестве по усмотрению дворянства, а второй— из всех уездных обывателей в составе двух тысяч человек. Предполагалось, что на первый корпус ляжет обязанность раз'ездов, разведочной службы и сопротивления „неприятельскому“ нападению на уезд. А второй корпус, расположившись в шалашах около города лагерем среди лугов, пробудет здесь, „доколе опасность минется“, довольствуясь подвозом припасов из соответствующих жительств, и „в свободное от опасности время“ займется устройством рва и земляных укреплений. „Деревенским жителям“, наряженным в этот городской корпус, пришлось бы захватить с собою, кроме оружия, железные топоры, лопатки, кирки, мотыки, деревянные тележки и носилки. Было запрошено „пунктами“ и „мещанство“, с „магистратскими присутствующими“ во главе, не сможет ли и оно выделить особый корпус „из купечества“ с собственным командиром „из их собрания“, а также принять участие в земляных работах. Дворянам рекомендовалось свезти в Юрьев все „домашние пушки“ с людьми, к ним привычными, и дать таким путем возможность составить артиллерийскую команду. Предполагалось, что главным начальником обоих городских корпусов будет воеводский товарищ, лейб-гвардии капитан-поручик Куприянов, сам на то вызвавшийся, либо один, либо сообща с кем-нибудь из дворян, если найдется „чином старее“.

Из 24-х дворян, проживавших тогда в Юрьевском уезде, явилось на собрание „13 персон“. Исходя из того, что за ними числится по здешнему уезду всего 902 д., присутствовавшие заявили в своем „почтенном“ ответе на воеводские „пункты“, что они, как мелкопоместные, не смогут составить сколько-нибудь значительного корпуса из своих дворовых служителей. Корпус необходимо образовать от уезда один, взяв со 100 д., положенных в подушный оклад, по одному человеку. Вместо корпуса в 2.000 чел., указанного в „пунктах“, лучше обязать дворян подписками явиться лично, в случае действительной опасности городу, со всеми людьми и крестьянами, под страхом:—лишения чести для дворян, смертной казни для приказчиков и старост. Для земляных же работ вокруг города Провинциальная Канцелярия может сделать наряд, „и работные люди беспрекословно даны быть могут“. В составе корпуса 100 чел. должны быть обязательно на лошадях. Людей выбирать „здоровых, крепких и годных“; особенное внимание обратить на подбор дворовых. „За скоростью времени“ „конский убор“, обувь и платье захватить с собою, „какое есть, точию б не ветхое“. На содержание корпуса установить со всего уездного населения посто-

янный взнос, впредь до отмены, из расчета 15 коп. в день на кавалериста и 5—на пехотинца. За ружьями и тесаками (по 1000 шт.), артиллерией и воинскими припасами обратиться, куда следует, так как ничего этого нет, в частности, пушек. Дворяне постановили также затребовать воинскую команду, „без которой никак,—думали они,—с таковым нерегулярным народом обойтиться не можно". Корпусным командиром избрали „достойного из собратий" своих капитана Трофима Лялина и поручили ему осуществить „сбор людей и лошадей", „когда оное дозволено будет". Было оговорено, что корпус должен состоять на „коште" уездном лишь до момента откомандирования" в „дальние места". Дворяне вменяли провинциальной канцелярии в обязанность срочно приготовить, заказав местным кузнецам, 2.000 рогатин, а деньги за них потом взыскать при первом же сборе подушных, причем рогатины насадить на древки должно купечество, а материал взять из ближайшего леса, чей бы он ни был. На себя дворяне приняли поручение собирать лично или через приказчиков и старост „по силе и возможности" различные сведения о „неприятеле" и о „шпионах" и доставлять их через частных смотрителей в Провинциальную Канцелярию.

„Собрание градцкого головы и купечества", в ответ на воеводские „пункты", также приняло постановление об учреждении корпуса на купеческом „коште", что и „утвердило письменным обязательством". Корпус этот из 10-ти вооруженных, на лошадях, должен был совершать раз'езды по городу, вести разведку, и, в дополнение к нему, „немалое число людей" решили расставить у дорог, ведущих в город.

Дал согласие на привлечение в корпус подведомственных ему крестьян и экономический казначей.

Юрьевская Провинциальная Канцелярия, получив „отзывы" обоих собраний и казначея, решила послать копии с них в столицу „к вышнему рассмотрению", сопроводив некоторыми собственными соображениями. Исходя из общего количества населения в Юрьевском уезде в 27.084 ревизских души [7]), Канцелярия определила численность корпуса, проектируемого дворянством, в 280 чел., но тут же заметила, что сильно сомневается, удастся ли получить в корпус людей с тех „больших вотчин", владельцы которых „сами в здешнем Юрьевском уезде жительства не имеют, а находятся многие в воинской и статской службе, а отставные жительствуют в других городах и уездах в отдаленности". Нет никакой надежды, что приказчики, старосты „или кому деревни... *[me]* приказаны" согласятся выделить людей в корпус без разрешения самих собственников. Юрьевская Канцелярия поэтому постановила просить как губернатора, так и Сенат, дать подтвердительный указ в отношении всего податного населения уезда о беспрекословном послушании решению „наличных дворян" о взятии по одному человеку с каждых 100 ревизских душ. Вместе с тем, извещая столицу о полученных успокоительных сведениях насчет Нижнего, Арзамаса и Гороховца, Провинциальная Канцелярия подчеркивала, что оставляет в силе „на непредвидимый случай" и свои определения о „предосторожностях", и дворянский приговор, ожидая от столицы как ружей, тесаков и пороху со свинцом, так и указаний относительно источников средств по обмундированию и содержанию корпуса, особенно, если придется пользоваться им в других уездах. Канцелярия ставила губернскую администрацию и центральную власть в известность, что магистрату предписано обязать купечество подписками никуда не отлучаться без его ведома, даже в ближние места, а в отношении 10 чел., выделенных купечеством в корпус, распорядиться, чтоб они выезжали из

города лишь с ведома Провинциальной Канцелярии. Такую же подписку решено было взять и с городских разночинцев—по части выезда из города, и с дворян—насчет отлучек из уезда. Провинциальная Канцелярия определила еще заручиться подпиской со стороны содержателей „имеющихся здесь в Юрьеве шелковых, полотняной и набойчатых фабрик", что они обязуются „увещевать" „находящихся на их фабриках работных людей", „в случае опасности, к сопротивлению и обороне... быть в готовности", и с этою целью заготовят „при своих фабриках в запас по числу их работников всякое оружие огненное или рогатины".

Юрьев-Польский, очевидно, всерьез ждал „злодея" и решил добросовестно подготовиться к встрече.

В противоположном конце Московской губернии официальный мир другого провинциального города, Тулы, проявил себя несколько по иному. В Туле, этом городе, где, по признанию одного документа, „жительствуют по большей части купечество и оружейники", был получен 26-го июля указ Сената о „предосторожностях", посланный из Москвы накануне. Тульская Провинциальная Канцелярия ответила просьбой о порохе и созывом особого совещания. Порох просили прислать под видом яко-бы для продажи обывателям, а в действительности в целях подготовки на опасный случай. 27-го июля состоялось в Туле совещание по секретному вопросу, об устройстве которого еще накануне воевода сговорился с главноприсутствующим Тульской Оружейной Канцелярии генерал-майором Жуковым, президентом местного Магистрата и его товарищами. На этом совещании, происходившем на квартире у Жукова, кроме упомянутых только что должностных лиц, присутствовал еще депутат от дворянства (Ивашкин), заменяя отлучившегося предводителя, и несколько первостатейных купцов, по приглашению Магистрата. 31-го июля в Тулу пришло еще два указа о Пугачеве из Москвы: один—от губернатора Остермана, другой—от тамошней Губернской Канцелярии; оба были датированы 28-ым июля. Провинциальная Канцелярия определила вызвать на 1-ое августа в присутствие генерал-майора Жукова и членов Тульского Провинциального Магистрата. К дворянам от имени канцелярии и предводителя были посланы нарочные с приглашением явиться „для общего совета" в город к 5-му августа. Тогда же были отправлены гонцы во все приписные уездные города, а также и в Богородицкую волость к управителю Апухтину, с указами о „предосторожностях" на основании только что полученных распоряжений из Москвы. Дано было знать о новостях и в Калугу. На совещании, состоявшемся 1-го августа, возможно, присутствовали, кроме упомянутых лиц, также предводитель дворянства, ряд первостатейных купцов, а, может быть, даже и несколько дворян, которые могли с'ехаться к тому времени из уезда в силу повесток об явке, повидимому, посланных дворянским депутатом Ивашкиным вслед за совещанием 27-го июля.

Тульской Провинциальной Канцелярией и расширенными совещаниями, происходившими в Туле 27-го июля и 1-го августа, было намечено немало разнообразных мероприятий.

За неимением точных известий о Пугачеве было, прежде всего, решено послать по дорогам гонцов, разведать о „всеобщем возмутителе" „со всякой благопристойностию" и впредь производить то разведывание еженедельно в радиусе 100 верст от Тулы, совершая его „коштом одного Тульского купечества по собственному их желанию." Совещание постановило далее вооружить купцов и оружейников, поручив их в ведение частных смотрителей, тех самых, что были „определены прежде для наблюдения от опасной болезни предосторожности". Пред-

полагалось, что частные смотрители будут осуществлять свои новые обязанности через соцких и десяцких, еженедельно рапортуя „по командам“ о состоянии подготовки и вооружения. Было признано необходимым устроить заставы у дорог, ведущих в город, для контроля „за беспаспортными и сомнительными людьми“; причем у Епифанской и Воронежской дорог содержать заставы купечеству, а у Московской и Веневской—оружейникам. Было установлено, что купечество и оружейники наладят раз'езды „по дистанциям каждого ведомства“, и в эти раз'езды определено будет „с каждой стороны по 12-ти чел., с переменою. вооруженных“. Смотреть за раз'ездами и заставами полагалось особым офицерам. Внутри города решили „караулы иметь крепкие и приумножить оные людьми“, с подчинением их также частным смотрителям. Было признано необходимым, как Тульскому Магистрату, так и Земской Избе, ведавшей оружейниками, произвести, с помощью офицеров, обход всех домов разночинцев, с целью обнаружения „пришлых и беспаспортных людей“. Казалось необходимым произвести еще перепись всех проживающих в Туле разночинцев и „людей“ в домах у заводчиков, после чего назначить определенное лицо для „смотрения и понуждения“ разночинцев и заводчиков к заготовлению оружия, первыми—для себя, а вторыми—для „людей“. Чтобы обеспечить оружием местное население, Оружейная Канцелярия, совместно с Магистратом, произведут осмотр у „промышленников, купцов и оружейников, торгующих ружьями“, возьмут наличные запасы на учет, а владельцев обяжут подпиской прекратить продажу „посторонним людям“.

„Сему учреждению продолжаться,—твердо решили в Туле,—пока предписанная по указу Правительствующего Сената предосторожность минуется“; последующие обстоятельства подкрепляли эту решимость.

„В 11-м часу пополуночи“ того же 1-го августа у питейного дома при Тульском оружейном заводе, в присутствии „множественного числа обывателей разного звания“, один приезжий „разглашал“ в пьяном виде, что прислал его в Тулу „государь Петр Федорович“, привез он от него два указа, один к генерал-майору Жукову, а другой в здешнюю Провинциальную Канцелярию. Собравшийся к питейному дому народ, повидимому, жадно внимал пьяным речам приезжего. Зародились сомнения в одних, окрепли в других, пошла гулять по городу „неподобная молва“, появились признаки народного колебания. Будучи доставлен в Провинциальную Канцелярию, разгласитель назвался сначала Шапошниковым, затем капралом Московского батальона Данилой Алексеевичем Медведчиковым, и показал на допросе, что все его речи у питейного дома—один вымысел, говорил он их, будучи чрезмерно пьян. В виду „экстраординарного времени“, Провинциальная Канцелярия, рапортуя губернатору Остерману 3-го августа 1774 г. о случившемся, просила разрешения не отсылать капрала Медведчикова в Москву, а учинить ему публичное наказание по улицам в Туле. По мнению Канцелярии, это необходимо особенно потому, чтоб „от подлого народа, паче же пьяниц и озорников, и в самом деле не могло последовать какового-либо беспокойствия“ [8]).

В такой тревожной обстановке с'езжались в Тулу дворяне из уезда. Общее дворянское собрание состоялось в Туле, повидимому, в намеченный срок и приняло решения, соответствующие моменту. Так, было постановлено составить из людей корпус, „на первый случай“ в 150 чел., а, „при надобности“, и всему дворянству вооружиться поголовно с дворовыми служителями и крестьянами. Корпус этот обмундировать и вооружить „дворянским коштом“. Для командования им и обучения „воен-

ной дисциплине" был избран майор Захар Хитрово, в помощь ему придали двух капитанов, одного подпоручика, да двоих прапорщиков.

Словом, и в Туле вопрос о „предосторожностях" на случай нашествия Пугачева или „толп" привлек к себе серьезное внимание администрации и высших слоев общества. Аналогичные приготовления можно было наблюдать также в уездных городах Московской губернии.

Получив 28-го июля указ сената о „злодее", Каширская Воеводская Канцелярия сейчас же известила дворянского предводителя Юшкова, послала указы к частным смотрителям и дала приказ поручику штатной команды Проскурякову. Частным смотрителям было предписано явиться к 4-му августа в город с находящимися в их частях дворянами „для трактования некоторого секретного самонужнейшего ее императорского величества дела", причем подчеркивалось, что прибыть необходимо „конечно да и безотговорочно". Проскурякова обязали произвести проверку ружей в штатной команде, собрать их все в сенях Воеводской Канцелярии, поставить при них часового, „денно и нощно" не отлучаться команде из Канцелярии, а самому Проскурякову разрешалось покидать ее лишь на обед и ужин. В виду такого прикрепления штатной команды к помещению Канцелярии, решено было использовать вместо солдат обывателей ближних слобод для несения караулов при колодниках и доставки „корреспонденции". Начальникам обоих военных команд, обслуживавших карантин, Канцелярия предложила привести свои команды в исправность, одну из них расположить даже „знатным фрунтом" у Земляных ворот, а для охраны карантина воспользоваться обывателями. Решено было также обратиться в Москву с просьбой прислать отряд из московских баталионов в помощь местной штатной команде, по вопросу же об укреплении города и подготовке жителей к обороне иметь совещание с Ратушей.

Через два дня, 30-го июля, в Кашире был получен новый указ о „предосторожностях", на этот раз—от Московской Губернской Канцелярии. Сейчас же в Воеводскую Канцелярию были вызваны начальники военных команд, находившихся в Кашире, экономический казначей, купеческий голова со всеми членами Ратуши а также лучшее купечество. Исходя из того, что „рассуждение" с дворянским предводителем и всем „благородным дворянством" предстоит еще не скоро, а, между тем, есть опасность, что бунтовщики могут повернуть на Переяславль-Рязанский, на Зарайск, а, следовательно, и в сторону Каширы, в собрании было решено осуществить ряд подготовительных мер на случай опасности, „в соблюдение каждому себя, жены, детей и дому, а паче освященных мест и высочайшего е. и. в. интереса, не менее же и верных россиян славы". Прежде всего, сочли необходимым об'единить „под дирекциею" воеводы все наличные воинские силы, подтвердив одной части стоять „во фрунте при Земляных воротах", а другой расположиться внутри города лагерем „в пристойном месте"; „во время нужды" обоим отрядам, конечно, действовать сообща. Купечество приняло на себя обязанность „единодушно ополчиться и денно и нощно к обороне и искоренению злодеев состоять в готовности". Проезды, менее требующиеся для движения, решили перекопать в разных местах, расставить по городу рогатки, а также исправить „худые места" в городских укреплениях; эту последнюю работу должны были выполнить разночинцы, а первую—купечество и слободы.

Решения совещания 30 июля по обороне города воевода признал необходимым дополнить рядом мероприятий в отношении уезда. Так, он решил затребовать 200 чел. с экономических волостей из-за Оки в помощь горожанам. Ямщикам и слободам надлежало обеспечить постоян-

ное дежурство трех пар лошадей при Воеводской Канцелярии на случай необходимости спешных посылок в уезд. Воевода задумал еще командировать из ближайших селений 700 чел. крестьян, распределив их поровну между 14-ю селениями, расположенными по границе Каширского уезда с Зарайским, на дистанции в 37 верст от реки Оки до Осетра. Отряд этот решено было составить путем набора по человеку с каждых 20-ти душ, выбрать в нем соцких с пятидесяцкими и десяцкими, а к отряду в целом приставить команду из 5-ти рядовых с офицером во главе. Указанную меру воевода мотивировал близостью „злодеев" от Каширскаго уезда. Но даже в тех жительствах по р. Осетру, которые граничили с Михайловским уездом, а еще дальше, с Веневским и Тульским, воевода и здесь решил осуществить ряд мер на всякий случай, хотя сам признавал эти части своего уезда „не столь опасными". В заключение он определил послать в столицу в самом срочном порядке гонца за порохом, снабдив его соответствующей суммой, и одновременно хлопотать перед начальством о присылке воинской команды, чтоб „отважнее сделать" и горожан, и уездных обывателей.

1-го августа в доме воеводы уже происходило первое совещание с дворянами, конечно только теми, кто успел приехать в Каширу ранее намеченного срока. Присутствовавшие на этом непредвиденном совещании находились не столько под действием присланных из Москвы указов, сколько под свежим впечатлением письма, оглашенного в совещании каширским дворянином пор. П. А. Кропотовым, от старосты принадлежавшего Кропотову с. Дягилева в Переяславль-Рязанском уезде Архипа Федорова. Староста извещал „барина", что город Переяславль-Рязанский в величайшей тревоге: по слухам „злодей" теперь в Касимове, и его скоро ждут и к ним в уезд. Собравшиеся были обеспокоены не на шутку таким сообщением из уезда, отделенного от Каширы одним Зарайском, и решили сейчас же обратиться в центр за воинской помощью. Всем казалось, что времени остается немного; между тем, дворяне, при обширности уезда, прибыли далеко не все, и, значит, образовать „так скоро" „особливый корпус" будет невозможно. Первый опыт „трактования о сем нужном деле" не вывел с'ехавшихся к тому времени каширских дворян и местной администрации из состоянии тревоги, осложненного сознанием чуть ли не полной беззащитности города.

Через три дня после совещания 1-го августа, вновь собралось каширское дворянство к воеводе. На этот раз собрание было многолюдным: под приговором подписалось свыше 120 чел. Выслушав сенатский указ от 25-го июля и узнав от воеводы, какие распоряжения сделаны Воеводской Канцелярией „в предосторожность города", „благородное дворянство согласно положили": уполномочить своего предводителя на общее руководство всем делом обороны, разделить уезд на две части по р. Осетру, в каждой из них выбрать по два помощника предводителю и таким путем осуществить мероприятия по мобилизации населения. Предполагали, что предводителю дворянства, совместно с его помощниками, придется „делать надлежащие диспозиции, смотря по важности времени и движения неприятеля". Было решено образовать особый „военный" конный корпус в составе двух рот, из расчета одного человека на 400 душ, положенных в подушный оклад, корпус этот надлежаще вооружить, снабдить аммуницией, мундирами и укомплектовать офицерами. Впредь до организации этого „военного" корпуса, признали необходимым выделить немедленно 150 чел. из крестьян и дворовых людей для временных раз'ездов (100 чел. от одной части уезда и 50— от другой). Дворянскому предводителю предоставили право решать самостоятельно вопросы о порядке привлечения к чрезвычайному набору

престарелых, больных и мелкопоместных дворян, а также о взимании с дворянства „складочных денег", как на выплату жалованья офицерам и рядовым (в обычном армейском размере), так и для заготовки обмундирования. Это последнее рекомендовалось сделать „по униформу", „наблюдая не излишнее украшение, но способность службы" в „сем чрезвычайном и строгом случае". Дворяне обязались быть готовыми двинуться по первому требованию к любому пункту границы Каширского уезда со своими дворовыми людьми и крестьянами, вооружив их, чем возможно. Было решено также обратиться к надлежащим инстанциям с просьбой о порохе, свинце, артиллерии, ружьях и, особенно, об „армейской воинской команде". В дворянском приговоре подчеркивалось, что „Каширский уезд состоит на великом расстоянии и защищает с Украинской стороны от сего вредного Российскому государству злодея столичный город Москву".

Рапортуя с гордостью в столицу в тот же день (4 августа) о принятом дворянами „положении", каширский воевода и дворянский предводитель спешили сообщить, что они, совместно с „персоны" (12 лицами), избранными себе в помощь предводителем, „не упуская ни малого времени, трактовать намерены" о регулярном военном корпусе в 125 чел. из уездных обывателей для охраны Каширского уезда от „злодея". Но предварительно придется, конечно, заняться вопросом о другом нерегулярном корпусе в 150 чел., особенно надобном теперь „ко обережению Каширского уезда от прочих воров и разбойников и к разведыванию о вышеписанном... Пугачеве".

Очень живо откликнулся на призыв центра Волоколамск. За отсутствием дворянского предводителя, который был в от'езде, заботиться о „предосторожностях" пришлось воеводе Оглоблину. Воевода прежде всего принял решение вызвать из уезда на 5-е августа дворян и „с ними..... совет сделать" (это было 28 июля). Одновременно, не дожидаясь общедворянского собрания, он набрасывает целую программу действий, подсказанную встревоженной мыслью дворянина и ретивой готовностью служаки. Оглоблину кажется необходимым перевести город на военное положение, запретить мещанам самовольные отлучки, об'явить чрез ратмана, бургомистра и голову об учреждении обязательных караулов, ночью и днем, по городу, предписать сделать то же и выборным Пушкарской и Солдатской слобод. Но, конечно, в первую очередь нужно установить военный караул в течение круглых суток: при Воеводской Канцелярии, где хранится денежная казна, на городском валу, для наблюдения за дорогами, ведущими к городу, и в Возмицкой слободе, где прежде была гауптвахта Сибирского карабинерного полка, чтобы держать под постоянным присмотром дорогу из Москвы. Оглоблин не останавливается даже перед тем, чтобы указать, как вооруженная охрана города должна встречать „злодеев" в случае их появления. В дополнительном решении, принятом чрез три дня (31-го июля), Волоколамский воевода пошел еще дальше. Он выставил требование воспретить впредь дворянам отлучаться из домов без воеводского разрешения, а бургомистрам и выборным слобод Солдатской и Пушкарской предписать составить „здешним обывателям именные списки" и подать их воеводе. Оглоблин рассчитывал делать на основании этих списков „надлежащее распоряжение и назначить место, кому впредь где быть, и что делать". В виду слабой надежды на получение артиллерии из центра, вследствие большого спроса на нее „при нынешних кон'юнктурах", необходимо, по мнению воеводы, обязать дворян (или приказчиков и управителей) прислать немедленно в Волоколамск все мелкие пушки, „для увеселения держущиеся", вместе с припасами и людьми, заобычными к стрельбе.

Ядра к той артиллерии надо бы поискать „в Волоколамской архиве“, но можно приспособить и „свинец в пулях“ со „штабного двора“ Сибирского карабинерного полка: „оными,—думалось воеводе,—вблизи по злодеям вместо картечь стрелять весьма способно будет“. „В нужном случае“ придется, как в самом Волоколамске, так и в уезде, разобрать все мосты, в частности тот, что ведет „из предместья в город, на рядах“, при чем, конечно, „мостовинник в городе, а не вне оного склясть“. Воевода предполагал „в самом городовом валу сделать ради мещанства парапет, т. е. загрудной бой“, а для этого необходимо, чтоб „оное мещанство“, равно и „обыватели“ из слобод „заблаговременно... приготовили деревянные и железные лопатки пополам“, а также „на дротиках железные копья“, „для недопущения в город“ бунтовщичьей „толпы“ „из-за сего загрудного боя“. По мысли воеводы, копья должны быть заказаны „в здешних кузницах“ каждым обывателем самостоятельно, „а кому нет—чем, то от Ратуши, употребя на то умеренно собранную с зажиточных людей денежную сумму“.

Общее дворянское собрание, состоявшееся в Волоколамске 5-го августа, „единогласно похвалило“ воеводские определения от 28-го и 31-го июля, пополнив их приговором об учреждении корпусов. Было решено составить корпус „не с числа душ, но по состоянию каждого, ибо с душ число людей малое“. В связи с этим, численность корпуса была определена в 71 человека, во главе его поставили секунд-майора Семена Айдарова, а помощником командира избрали поручика Ивана Беляева. Было постановлено снабдить корпус всякими видами довольствия на три месяца, и, в частности, выдать на каждого человека: жалованья—по 3 р., „мясных денег“—по 1 р. 30 к., муки—по 6 пуд., по стольку же гарнцев круп и по 6 ф. соли. Для вещевого довольствия выработали такую норму на одно лицо: кафтан, кушак, овчинная шуба, шапка рукавицы, сапоги теплые, чулки, „штаны“ и „две рубашки с портами“. Каждому входящему в корпус полагалось иметь лошадь с седлом и полным „прибором“ и быть вооруженным тесаком или шпагой с портупеей, парой пистолетов с „подсумком“, ружьем да рогатиной „на погоне“. Командиру корпуса Айдарову вменили в обязанность немедленно „принять в команду“ людей, „у кого ныне налицо есть, а прочих требовать о высылке от Волоколамской Воеводской Канцелярии“; к ней же обратиться за порохом и свинцом. Собранием было выставлено требование начать „формирование эскадрона“ с „завтрашнего числа“ и по сформировании „учредить“ в нем все так, „как военный порядок требует“.

Юрьев-Польский, Тула, Кашира, Волоколамск... Всё разные типы города Московской губернии, административные центры различного уклада. Своеобразным оказался и отклик каждого из них на волновавшие всех „происшествия“.

Из мероприятий, предполагавшихся к осуществлению в других городах Московской губернии, в связи с пережившимися настроениями, некоторые заслуживают упоминания, дополняя и разнообразя представленную выше картину. Интересны прежде всего, чрезвычайные собрания, состоявшиеся всюду, даже в глухих уголках губернии. Если в одних местах собрания происходили, так сказать, по куриям, и дворяне заседали отдельно от купцов (например, в Мещовске), то в других они были общими, об'единяя разные социальные группы вопросом, затрагивавшим всех (например, в Калуге, Угличе, Можайске). В условиях случившейся „экстры“ городу с уездом, очевидно, было подчас душно в рамках сословной замкнутости и традиционных перегородок. Характерны отступления от существовавшего поуездного деления. На собра-

нии в Серпухове присутствовали дворяне трех уездов: Серпуховского, Оболенского и Тарусского. В Можайске на чрезвычайном собрании об учреждении корпуса были представители не только местного купечества, но и гжатского. В Калугу также с'ехалось к 1 августа дворянство двух уездов: Калужского и Медынского. Города: Серпейск и Мосальск, Перемышль и Воротынск решали вопрос о предосторожностях сообща. К собраниям, обсуждавшим меры предосторожности, привлекались не только дворяне с купцами. Так, в Костроме среди участников собрания можно отметить фабрикантов. В ряде городов присутствуют на собраниях офицеры из команд, почему-либо находящихся в данном городе. Участие экономических каз'ачеев—почти обычное явление. Любопытны случаи обращения за содействием к высшему духовенству и в церковные учреждения. Суздальская Провинциальная Канцелярия, беспокоясь за город по отсутствию крепости, направила промеморию в местную Духовную Консисторию „с требованием" дозволить укрепить Спасский Евфимьев монастырь, как „способное место" „для сохранения людей и их имущества", а сама тем временем, не сомневаясь, очевидно, в положительном ответе, сделала наряд купечеству изготовить его коштом с каждых десяти дворов по одному топору, по одной железной и по две деревянных лопаты для производства крепостных работ. В Переяславле-Рязанском купца Мардина, приехавшего из Касимова с напугавшим всех известием, что он сам был очевидцем вступления Пугачевой „толпы" в этот город, администрация взяла и представила „к засвидетельсвованию того его показания" к тамошнему архиерею Палладию. Волоколамское дворянство, в поисках союзников „в сем опасном случае", вспомнило о лесничих.

По некоторым городам могут быть отмечены самые постановления об учреждении корпусов. Так, в Костроме предполагалось составить два корпуса: один—от дворянства, в 300 чел., из дворовых людей и крестьян, другой от купечества, в количестве 200 чел. В каждом из восьми станов Костромского уезда решили образовать еще дополнительные корпуса. Людей в эти корпуса, впредь до наступления опасности, было признано необходимым привлекать понедельно, чтоб не было отяготительно. Все уездное население считали необходимым оповестить через нарочных о произведенном расписании уезда на 8 частей и предложить к исполнению особую инструкцию относительно послушания всех жителей корпусным командирам. Этим последним вменялось в обязанность собрать корпуса по станам-частям „самоскорейше". В Переяславле Рязанском дворянство приняло постановление набрать в корпус с каждых ста душ по 2 человека, половине из них быть на лошадях; но местная Провинциальная Канцелярия, не считая возможным дожидаться результатов организации корпуса, решила затребовать немедленно 200 чел. от купечества, с уезда около 500, до 200 чел. от каждого экономического казначея и, сверх этого, предложила еще выслать в 3-дневный срок из каждого приписного города, исключая Сапожка, по 200 чел. для защиты самого Переяславля. Тяжесть чрезвычайного набора в корпус бывала в разных уездах различной,—от двух человек со 100 душ, как это намечалось в Переяславле-Рязанском и в Епифани, до трех чел., на 400 душ по Суздальскому уезду.

По большей части чрезвычайные собрания, устанавливая норму, не определяли самого размера, корпусов; за основу же для исчисления обычно решали принять данные 3-ей ревизии. Между тем, Угличское, например, дворянство, собравшись 2 августа в помещении Провинциальной Канцелярии, рассудило составить свой конный эскадрон в 128 чел. не просто с числа ревизских душ, но и с присоединением прибылых.

При организации корпусов приходилось преодолевать затруднения, а иногда на местах и останавливались перед ними. В ряде случаев более осторожные экономические казначеи отказались дать людей в формируемые дворянские корпуса, мотивируя отказ свой тем, что должны запросить мнения Государственной Коллегии Экономии (например, в Дмитрове). Коллегии Экономии действительно пришлось дать на места казначеям соответствующие наставления, о чем она и рапортовала в московские департаменты Сената 28-го июля 1774 г. В некоторых уездах приходилось наталкиваться на отсутствие предводителей дворянства, либо по причине от'езда, или же потому, что предводителя не было вовсе, в виду малочисленности дворянства (это имело место, например, в Звенигороде). Кое-где спешно выбирали нового предводителя дворянства (например, в Боровске и Калуге). Иногда воевода затруднялся открыть секрет о „злодее" и требовать принятия „предосторожностей" от тех „больших вотчин", которыми заправляли не собственники, а приказчики их или старосты. Очень часто дворянскими собраниями затрагивался вопрос о необходимости избранному начальнику корпуса „без наималейшего отлагательства приниматься" за обучение „людей" „проворному стрелянию и нужным поворотам". Озабочивало администрацию и дворянство все дело обмундирования, вооружения и снабжения чрезвычайных иррегулярных формирований. В одних случаях предписывалось присылать людей на помощь с топорами и заостренными кольями, рогатинами и бердышами, цепами и навезнями; в других,—с мест запрашивали центр о присылке необыкновенного количества военного снаряжения. По мнению шуйского дворянина Соломона Маркова, в Шую необходимо прислать 100 пудов пороха и 300 п. свинца. Кашин, маленький Кашин, потребовал от Сената снабдить его ружьями и шпагами в количестве 1247 шт. В поисках артиллерии и ружей на месте, при слабой надежде получения из столицы, провинциальная администрация обращала внимание на залежи бездействовавшего военного имущества. В Угличе путем осмотра было установлено, что имеются „старинного... литья... чугунные пушки, фальконеты, ядра и дробь картечная, железные кованые дарепьи (?) или рогульки четверорогие", но и тех „малое число"; притом они еще в 1734 году были „показаны негодными и, с того времени поныне лежа, поржавели". В заботах о снабжении намеченных корпусов всем необходимым, в одних уездах (например, в Ростове) выдвигали предложение „состоящий... в экономических вотчинах в магазейнах хлеб весь без остатку перевезти" в город; в других—принимали постановление высылать людей в корпус обмундированными не только сермяжными кафтанами, а и овчинными шубами, ради зимы (в Угличе). Перемышльское и Воротынское дворянство приняло постановление одеть корпус подобно гусарам, только „с отменою в мундире одинакогого цвета". Вопрос о средствах на организацию и содержание корпусов решался в различных уездах по разному. По большей части дворянские и купеческие „общества" соглашались покрывать соответствующие расходы собственным коштом, в отдельных случаях переносили финансирование корпусов целиком или частично на казну, а из Михайлова обратились даже в Сенат с ходатайством отпустить 3000 р. на „составленный корпус", на условии возврата этой суммы в двухгодичный срок „из общества дворянского". Встречаются указания на мотивы, руководившие собраниями, когда они принимали решения о корпусах, даже в момент получения успокоительных известий относительно „злодея". Так, в только что упомянутом Угличе дворяне заявили на собрании 2-го августа 1774 г., что корпус необхо-

димо образовать, учитывая доходившие еще „прежде“ слухи о том, как Пугачев способен бросаться „из места в место“.

Организуя корпуса, на местах с особенною охотой надеялись прибегнуть к помощи военных команд, почему-либо случайно оказавшихся в данном городе в тот момент; команды межевые, сыскные, по набору рекрут и охране карантинов одинаково привлекались служить „предосторожностям“. Командиры этих команд благосклонно относились к новым неожиданным поручениям и сами проявляли надлежащую инициативу. Военной конторе пришлось рапортовать Сенату (рапорт этот слушан Сенатом в заседании 4-го августа 1774 г.), что ею получен запрос от пример-майора Шетнева, находящегося в Калуге у набора рекрут, снабдить его „на нынешний случай для обучения рекрут ружьями, порохом, свинцом и для вспоможения городу ко обороне патронами“. Калужская Провинциальная Канцелярия определила вызвать к 3 августа или даже сыскать всех отставных офицеров, унтер-офицеров, капралов и рядовых; то же намечалось и в некоторых других уездах.

В ожидании опасности особое внимание всюду обращали на пути сообщения. В Переяславле-Рязанском предводитель дворянства кн. Меншиков, „по известным ныне обстоятельствам“, обратился к Ямской Конторе с представлением о необходимости устроить на полпути между Переяславлем и Коломной дополнительные „подставы лошадей“. В Костромском уезде было решено сделать на всех дорогах внутри уезда маяки, которые и зажечь в случае опасности. И Шуйскому дворянину, не раз упомянутому, Соломону Маркову казалось целесообразным покрыть уезд сетью маяков по большим дорогам с пешими караулами при них, по 4 человека в каждом, для поддержания связи и наблюдения за путями; предлагаемую меру Марков об'яснял невозможностью организации кавалерийских раз'ездов, благодаря „конскому падежу“. С другой стороны, всюду чрезвычайно старались ограничить возможность проникновения пришлого элемента внутрь уезда; особенно следили при этом, конечно, за перевозами по пограничным рекам. Серпуховскою администрацией командиру перевоза чрез Оку было предписано переправлять без задержек курьеров и военных, а прочих обывателей, впредь до особого указания, только днем; конечно, в случае опасности, ему вменили в обязанность немедленно затопить „перевозные суда“. В Калуге было постановлено разослать суда и лодки, подлежащие отправлению в другие места, „в самой крайней скорости“; а оставшиеся собрать на внутренней стороне реки Оки в одно место, приставить к ним надежный караул, выбрать особого смотрителя, которому дважды в день осматривать суда и рапортовать по команде. Серпуховская Воеводская Канцелярия, проявляя инициативу, обратилась даже в Каширу и Тарусу с просьбой затопить суда на Оке, в случае опасности, как она предписала то сделать у себя.

Обнаружив большую ретивость не только в исполнении указов из столицы, но и в самостоятельном, своеобразном и расширенном истолковании их, администрация иногда давала себе отчет в том, что для осуществления намеченных „предосторожностей“ полностью не пришло еще время. Так Серпейский и Масальский воеводы, представляя губернатору Остерману 7-го августа дворянское „мнение“, уведомляли, что Сенат ими запрошен, не следует ли подождать с „учреждением“ корпусов, в виду отсутствия опасности „по получаемым партикулярно многим известиям“.

Решения о „предосторожностях“, принимавшиеся по уездам и провинциям Московской губернии в июле и августе 1774 года, в ожидании

Пугачева, при всем их местном колорите, в основе были, однако, сходными везде. Общее впечатление остается такое, что на местах, в силу каких-то оснований (вряд-ли из одной угодливости перед центром), чрезвычайно широко и живо использовали возможность инициативы, предоставленную указами Сената от 25-го июля 1774 г., и обнаружили склонность итти гораздо дальше предположений центральной власти. Если эта последняя сообщила на места о „предосторожностях" лишь предположительно, то провинции и уезды проявили деятельность в такой форме и масштабах, как если бы „злодей" со своей „толпой" стоял в те дни невдалеке от границ каждого уезда.

IV.

Меры предосторожности против „злодея", намечавшиеся подчас с лихорадочной поспешностью всюду в провинциях Московской губернии местной администрацией и дворянством, получили осуществление, повидимому, не везде и далеко не полностью. По крайней мере, об этом мало содержится данных в документах, использованных для настоящего очерка.

В тревожные дни ожидания Пугачева в пределы Московской губернии, когда смутные противоречивые слухи распространялись в изобилии, посылка нарочных гонцов и разведчиков, естественно, сделалась излюбленным приемом всех, кому приходилось думать об опасности. Официальная переписка, при всей ее напряженности в июле и августе 1774 г., не давала необходимой информации; на местах это чувствовали с особенной остротою. Понятно, что Тула, Коломна, Муром, Шуя, Кострома и многие другие административные пункты прибегали к неоднократным, иногда даже периодическим, попыткам разведки о „неприятеле" иными неофициальными путями. Сама столица не раз пользовалась услугами разведчиков (капитан Лыкошин и др.).

В ожидании опасности сам собою возникал вопрос о защите того или иного уезда со стороны его границ, особенно в части, обращенной к фронту восстания. Пограничные „кордоны" из крестьян были установлены, например, в Каширском и Коломенском уездах. Коломенский воевода подполковник Агалин, доносил губернатору Остерману 6-го августа, что „из положенного дворянами для содержания кордонов числа людей... в уезде к Володимирскому и Касимовскому рубежам по Оке и Москве рекам оные учреждены и к смотрению распределены частные смотрители с прочими дворянами". Через пять дней (11 августа) из Коломны был получен губернатором новый рапорт, что, в силу сенатского указа от 4-го августа, „собранные с уезду люди со учрежденых кордонов... того-ж времени распущены".

Реки и речные перевозы внушали большие опасения. В Переяславль-Рязанском уезде в первые же дни тревоги было „упразднено" значительное количество перевозов как через Оку, так и другие реки; позднее число „упраздненных" перевозов, повидимому, еще возросло. По всей вероятности, были отменены частично перевозы вдоль Оки также в Серпуховском и Тарусском уездах. „Упразднение" перевозов сопровождалось, как будто, сосредоточением перевозочных средств на внутренней стороне реки, а иногда даже затоплением некоторых из них.

В ряде уездов приняли меры и против сухопутного движения. Так, были „пресечены" все дороги, исключая двух, в Серпухове; здесь остался ненарушенным лишь большой тракт из Москвы на Киев, да дорога в Боровск, но и они взяты под строжайший контроль.

Но, конечно, особенно заботилась провинциальная администрация о своих резиденциях. Вокруг Гороховца были расставлены пикеты из вооруженных рогатинами крестьян и купцов. В Серпухове, внутри города, понаделали рогаток, организовали при них постоянную караульную службу, через каждые десять дворов устраивали по ночам заставы, и им предписывалось задерживать всех „шатающихся" „без всякой надежды" „низкого состояния людей", а также тех, „кто будет кричать и песни петь". На обязанности караула, поставленного при в'езде в город, было следить за всеми выезжающими, проезжими и, особенно, приезжающими. Заставы существовали в тревожные дни и в Туле. В Угличе чинились по ночам „об'езды", и был налажен контроль над приезжими. Шуйский воевода „около города караулы расставил". В Ярославле по решению Провинциальной Канцелярии, „обще с предводителем, магистратским и Экономического Правления членами", „были устроены „отводные караулы".

Заводя „об'езжие команды" в городе, не забывали и про уезд. Шуйская Воеводская Канцелярия доносила губернатору Остерману 30-го июля о производящихся в уезде раз'ездах, а Гороховецкая Канцелярия, получив в свое распоряжение собранных с купечества и крестьянства людей, поспешила часть из них отделить в уезд для „поиска" возможных „злодейских" или других „воровских партий". В Шуе, как в самом городе, так и в уезде, наряду с упомянутыми „раз'ездами", в разных пунктах были еще расставлены караулы из отставных солдат. Рапортом от 5-го августа 1774 года Шуйская Воеводская Канцелярия запрашивала даже Сенат, из какой ей суммы производить жалованье „собранным для наилучшей предосторожности отставным солдатам". 30 отставными унтер-офицерами и солдатами, спешно набранными не из дворян в Костромском уезде и в самой Костроме, была пополнена на всякий случай местная штатная команда.

Контролируя пути сообщения и открыто следя за населением и порядком, в ряде городов, однако, не ограничились этим, а прибегли еще к шпионажу и тайной разведке (Тула, Муром). В страхе перед заезжими агитаторами, повсюду распространенными „прелестными письмами" и быстро переносившимися „лживыми разглашениями" надеялись, что с помощью „присматривания и разведывания секретным образом" убережут „чернь" и „подлый народ" от искушений, везде рассеиваемых „извергом рода человеческого".

В некоторых городах, на ряду с предохранительными мерами против социальной „заразы", были осуществлены частично отдельные начинания, диктовавшиеся ожиданием самого Пугачева или его „злодейских толп". Так, подобно Суздалю, была вывезена 2-го августа почти вся денежная казна из Каширы, причем, как извещали губернатора Остермана местная Воеводская Канцелярия и Ратуша, суммы по питейным сборам и „капитальным платежам" за „поставочное вино" высланы в Камер-Коллегию, а „соляные деньги" — в Главную Соляную Контору; всего было отправлено из Каширы 12070 рублей 06 $^1/_4$ коп., оставлено „на самонужнейшие нужды" 3045 рублей 47 $^1/_2$ коп. Гороховецкая Воеводская Канцелярия рапортовала губернатору Остерману 3-го августа, что денежная казна ею „в подлежащие места отправляется", да и канцелярские „дела имеются все в готовности". И Переяславль-Залесская Провинциальная Канцелярия уведомляла Сенат в рапорте от 2-го августа о состоявшемся вывозе из города большей части денежной казны (свыше 40 тысяч рублей) „в подлежащие места" и готовящейся отправке остальных сумм. К 1-му августа 1774 г. была вывезена в Москву денежная казна также из Михайлова и Малоярославца. О предстоящем отправле-

нии „в скорости“ денежной казны в столицу сообщала гр. Остерману 30-го июля еще Калужская Провинциальная Канцелярия. А из Шуи уведомляли Москву, что все денежные суммы, как по подушному сбору и камер-коллежским доходам, так „штатские“ и адмиралтейские, „переведены на векселя“; Воеводская Канцелярия оставила себе „для самонужнейших расходов“ лишь „самое малое число“ (около 3000 рублей).

В Серпухове, в результате хлопот, отыскали в монастырях 11 чугунных пушек разных калибров, правда без лафетов и снарядов. В Суздале „на сей опасный случай“ приостановили казенную продажу пороха, а Магистрату было предложено „во всех города Суздаля торговых лавках освидетельствовать, сколько найтиться может и у кого не в деле свинцу и свинцовых пуль и дроби, и, то все записав“, „накрепко“ запретить пускать в продажу. Равным образом, приостановили продажу пороха, которого было 12 пудов, и в Переяславле-Рязанском. В Зарайске раздобыли шесть „дворянских пушек“. В Юрьеве-Польском 31-му июля успели изготовить с помощью местных кузнецов 500 рогатин из намеченных дворянами 2000 штук.

В дни тревожных настроений в уездах Московской губернии было приступлено также к усуществлению принятых решений об особых „корпусах“ для отпора „злодею“.

Набор в корпус с купечества и уездного населения был осуществлен в Гороховце, и люди, попавшие в корпус, использованы для несения разных служб в связи с переживавшейся опасностью. Помимо командного состава, в Гороховецком корпусе числилось 65 чел. конных и 33 пеших, вооружены они были рогатинами, и одна часть из них употреблена на устройство пикетов кругом Гороховца, а другая (в количестве 30 чел.) послана в уезд в качестве сыскной команды. Корпус, собранный в Коломне, нес сторожевую службу по рекам Оке и Москве. О роспуске „дворян и прочих жителей“, „собранных к поражению и истреблению злодея Пугачева с его шайкою“, рапортовала Сенату 8-го августа Ростовская Воеводская Канцелярия. Идея дворянского корпуса, повидимому, получила осуществление и в Михайлове. Тем не менее, к действительной организации корпусов для отпора поджидавшемуся самозванцу успели приступить не всюду, и мало где они были образованы на самом деле.

При всей скудости имеющихся данных о мероприятиях, получивших осуществление в уездах Московской губернии, в связи с чрезвычайными обстоятельствами Пугачевщины, можно все же заключить, что провинциальная администрация, сообща с верхними слоями общества, заботилась не только о фактической подготовке к борьбе с Пугачевым, но и о „предосторожностях“ на случай возможных внутренних осложнений. В уездах Московской губернии чувствовали опасность от „зловредных плевел“, может быть, даже острее, чем непосредственную угрозу от самого „третьего императора“, его „толпы“ и „рассыпанных злодейских партий“.

V.

В июле и августе 1774 г. в тревожных условиях ожидания „известного злодея“ политика московской местной администрации протекала и оформлялась под несомненным воздействием некоторых социальных моментов, характерных для общественных соотношений в провинциях Московской губернии того времени. Бросается в глаза прежде всего роль дворянства. Как видели мы выше, испытанный союзник власти в борьбе с крамолой и разбоями в предшествующее трехлетие,

дворянство было призвано принять особенно деятельное участие в подготовке на случай опасности от Пугачева. В Гороховце, Владимире, Суздале, в Юрьеве-Польском и других городах, где тревога сказалась раньше, и меры предосторожности стали осуществлять еще до распоряжений из центра, провинциальные и городовые воеводы обратились за помощью в свои уезды к проживавшим там дворянам. То же счел нужным рекомендовать и Сенат в указах от 25-го июля. На местах в полной мере последовали заданиям столицы, пошли даже дальше. В конце июля и начале августа 1774 г. в города Московской губернии с'ехалось провинциальное дворянство, в разное время совместно с представителями администрации состоялись везде дворянские собрания, в некоторых городах их было по нескольку; на собраниях этих заслушивались сообщения воевод о сделанных ими распоряжениях, санкционировались принятые меры, намечались дополнительные, выносились, в частности, постановления об „особливых корпусах". Союз администрации и дворянства казался полным и органичным. Рапорты и доношения с мест в Москву о принятых мерах предосторожности в это время так и писались иногда от имени „городового начальника (воеводы) и благородного дворянства предводителя с дворянами". Каширский воевода и дворянский предводитель, представляя в Сенат и губернатору Остерману копии с „положения" дворян о корпусах (при рапортах от 4 августа) усиленно подчеркивали, что в виду проявленного дворянством усердия „наиболее осталась оная доверенность на них, господах благородных дворянах". Любопытны случаи проявления дворянской инициативы. Дворяне не только выступали в роли самоохотных информаторов и вестников „экстры", они подчас подсказывали местной администрации, что́ должна она делать. Упоминавшийся ранее предводитель дворянства в Переяславле-Залесском майор Самсонов, привезя из Владимира тревожные вести, еще 26-го июля обращал внимание своей Провинциальной Канцелярии на то, что „уезд Переяславльский распространяется до самой большой Владимирской дороги", и Канцелярии необходимо „предпринять от злодея Пугачева всякие возможные для сохранения целости всего государства предосторожности": самозванец, ведь, может „покуситься" с своей „толпою" итти „далее". От себя лично и за все дворянство Переяславль-Залесского уезда Самсонов обещал Провинциальной Канцелярии „потребные услуги". Частные смотрители из дворян, заведенные в уездах в годину чумы и связанных с нею волнений, оказались теперь, как нельзя, кстати: через них обычно воеводы с предводителями созывали дворян для „советования", им поручалась нередко высылка „людей" в корпуса и отчасти командование отдельными формированиями, с их помощью следили посредством соцких и десяцких за проявлениями народных настроений; особыми „наставлениями", какими снабжались подчас частные смотрители, им вменяли даже в обязанность борьбу с „разглашениями" и народной „колеблемостью". Значительная активность, проявленная московским провинциальным дворянством в конце июля и начале августа 1774 г.,—близкий по времени предвестник жалованной грамоты 1775 г. Дворянство Московской губернии в тревожные дни ожидания „злодея" выступало, однако, не целостным, монолитным сословием: глухою борьбой ознаменовались выступления, о которых в рапортах, между тем, писали в торжественных, высоко-патриотических выражениях. Первенствующая, порой исключительная роль обычно принадлежала, повидимому, так называемому „знатному дворянству". Когда, например, до Костромы дошли вести о возможной опасности от Пугачева, в местную Провинциальную Канцелярию было вызвано на совещание одно „знатное дворянство", с предводите-

лем во главе. Равным образом, Мещовский воевода, посылая предводителю дворянства предложение явиться в Воеводскую Канцелярию „неотменно" для „согласного о предосторожности распоряжения", вместе с тем указывал, что ему необходимо „пригласить с собою из знатного дворянства, сколько заблагорассудит человек". Общедворянскому собранию 5-го августа по вопросу об учреждении корпуса, предшествовало в Мещовске частное совещание местной дворянской знати, которое состоялось на два дня раньше [9]). Голос дворян мелкопоместных в чрезвычайных собраниях, поскольку они принимали в них участие, вряд ли пользовался особенным весом.

Участники собраний сами хорошо знали, что в их среде равенства нет. Недаром встречается не раз в документах дворянских собраний характеристика дворян эпитетом „надежный". Так, Волоколамское дворянство, избрав командиром корпуса майора Семена Айдарова, сочло нужным аттестовать его: „И мы на него надежны",—заявляли избиратели в приговоре от 5-го августа. Вряд ли будет правильным рассматривать эту оговорку только, как трафаретную формулу доверия. Совещание, происходившее в Туле 27-го июля, поручая вооружение купцов и оружейников частным смотрителям и их помошникам, мотивировало свое решение тем, что, „их поведение" и „верноподданическая должность" вне „всякого сомнения". „Положением" от 4-го августа 1774 г. Каширское дворянство обязало дворян не отлучаться из деревень без разрешения предводителя, „пока сия опасность настоять не будет", а, в случае разрешения, „препоручать... свои деревни в полную власть из благородных, кому поверить можно". В том же „положении" 4 августа говорилось далее, что престарелые и больные дворяне могут и не являться лично, в случае опасности, вручая, однако, своих людей и крестьян, „кому... на сей случай вверить могут". Суздальская Провинциальная Канцелярия предложила даже особоуполномоченному по обороне города воеводскому товарищу Шелегову сделать распоряжение рогаточным караулам опрашивать всех приезжих дворян, кто они, откуда едут и где намерены квартировать. Очевидно, благонадежность некоторых элементов провинциального дворянства в глазах наиболее влиятельной его части была под сомнением в момент распространенности тревожных настроений. Это тем понятнее, что к моменту Пугачевщины в среде уездных дворян Московской губернии был уже немалый процент таких, которые в значительной степени утратили свою социальную самостоятельность и лицо. Одни из них вовсе обеднели, другие продолжали еще сохранять владельческие права на весьма ограниченную земельную собственность и небольшое количество крепостных крестьян и слуг. Те и другие нередко поступали на службу к крупным вотчинникам, делались управителями чужих хозяйств; в этой должности их и застал тревожный 1774 год. Отдельные лица из провинциальной администрации, вообще говоря, тесно связанной с дворянством, также не пользовались полным доверием в глазах своих собратий по социальному происхождению. Когда в Пронске пахотные солдаты отказались итти в свой провинциальный город Переяславль-Рязанский, куда их спешно требовали на помощь в ожидании „злодея", местная Воеводская Канцелярия, донося о случившемся в столицу, определенно подчеркивала, что виноваты в этой „преслушности" воеводский товарищ секунд-майор Малеев и подпоручик Пронской инвалидной команды Дм. Кромский. По уверению канцелярии, этот последний писал солдатам заявление об отказе подчиниться требованию Переяславля, а Малеев „запрещал" давать команду из пехотных солдат в провинциальный город, говоря, что итти туда не для чего. Воеводской Канцелярии показалось

даже крайне подозрительным, почему Малеев не досидел в присутствии указных часов, „выйдя вон“ вслед за солдатской оппозицией. Характерно стремление дворянства ограждать себя от дворян из других уездов. Предоставляя частным смотрителям право приглашения себе помощников, суздальское дворянство. вместе с тем, оговорило, что они должны быть обязательно из суздальских дворян. И каширское дворянство в приговоре своем об „учреждении“ корпуса особо подчеркнуло, что корпусное начальство, начиная капитаном и кончая унтер-офицером, должно все быть из дворян каширских. В этом же плане внутридворянских противоречий следует воспринимать, повидимому, и требование, выставленное небольшой группой шуйских дворян в поданном ими особом „голосе“, чтобы корпусный вождь со своими подчиненными был „в повелении ея императорского величества и указов Правительствующего Сената, а не под другими командами“. Вообще, вопрос о корпусах на случай опасности от „злодея“ оказался своеобразным проявителем; благодаря ему вскрылись сложившиеся социальные антагонизмы, заострились междворянские нелады и разыгрались эпизоды, далеко не пристойные в серьезный момент для „благородного дворянства“. Наряду с осложнениями в отношениях между местной дворянской „знатью“ и мелкопоместным дворянством, дала знать себя также неприязнь этого последнего к тем крупным магнатам, собственникам „великих волостей и деревень“, которые проживали в столице или в других уездах. Каширское дворянство в приговоре своем отметило такое трех-ярусное строение дворянства. Руководящим группам чрезвычайных дворянских собраний, происходивших по городам Московской губернии в конце июля и начале августа 1774 г., пришлось, повидимому. преодолеть немало затруднений, чтобы спасти идею особливых корпусов. На основании сохранившихся документов этих собраний, по содержащимся в них оговоркам и отдельным обмолвкам, можно предполагать, что дворянская мелкота была против корпусов, против обязательного чрезвычайного набора по принципу пропорциональности к числу „ревизских“ душ и, видимо, ставила судьбу вопроса в зависимость от доброй воли и возможностей каждого из дворян в отдельности. Наоборот, состоятельное провинциальное дворянство всячески отстаивало необходимость правильных корпусов и самый способ их организации по математическому признаку. Эта часть дворянства одновременно требовала распространения обязательства высылки в корпуса людей также на владения дворян, лично не проживающих в данном уезде и, кроме того, на экономических и дворцовых крестьян. Отношение к вопросу о корпусах бывало настолько различным у противоположных дворянских групп, что в соответствующих документах не оказалось возможным в полной мере умолчать о существовавших трениях. Именно так приходится толковать шестой параграф „мнения“ серпейского и масальского воевод и серпейского ж дворянского предводителя, одобренного местным дворянством (повидимому, на собрании 2-го августа 1774 г.) С одной стороны, здесь с полной определенностью подчеркнуто, что, помимо прочих „резонов“, корпус необходим еще „в рассуждении паче тех селений, в коих не живут помещики“; а с другой, пояснено, что „усерднейший и доброжелательный“ дворянин, возможно, явится в случае опасности на помощь с максимальным числом дворовых людей. зато „презирающий опасность и мало пекущийся о добрых распорядках“, конечно, как „всегда, останется в пороке легкого к своим согражданам усердия и любви“. В приговор свой от 31-го июля дмитровские дворяне, вероятно, не без причины внесли указание, что люди в корпус должны быть даны „без всяких отговорок“. Известная часть дворянства в уездах Московской губернии не только

выказывала отрицательное отношение к идее корпусов, но и на деле была, кажется, серьезной помехой их действительному образованию. В Шуе на чрезвычайном собрании 4-го августа дворянский предводитель поручик Хрущев и часть присутствовавшего дворянства приняли на себя обязательство явиться с вооруженными людьми своими в случае опасности от „злодея"; такое же обещание дал казначей за экономических крестьян. „А прочие господа дворяне об'явили, что ружей и пороху не имеют". Пришлось предводителю заверить воеводу и присутствующих „доброжелательных" дворян, что он надеется „и дворянское общество расположить в силе Правительствующего Сената указу" (от 25-го июля). Можно думать, что „голос" группы шуйских дворян. с Соломоном Марковым во главе, оглашенный на упомянутом собрании от 4-го августа, вероятно, прозвучал, как призыв, оставшийся в значительной степении без отклика и должного ответа. Настоящий скандал разыгрался на почве организации корпуса в Михайловском уезде Переяславль-Рязанской провинции. Поводом послужила жалоба местного помещика коллежского советника Шиловского „на притеснение, чинимое ему от тамошнего благородного дворянства предводителя лейб-гвардии господина капитана Колычева, в выборе, яко-бы в силу Правительствующего Сената указов и по приговору тамошнего благородного дворянства, к предосторожности от злодея Пугачева рекрута". Дело дошло до Москвы. Губернатору Остерману пришлось 6-го августа 1774 года послать ордер михайловскому воеводе П. Толбугину с предложением „не делать отнюдь излишностей, чего указами не предписано. и тем отдалить не только оному господину Шиловскому, но и другим помещикам от того такую чувствительную тягость". Переписка по делу продолжалась вплоть до 2-й половины сентября 1774 г. На фоне изложенного многозначительной кажется оговорка в рапорте губернатору Остерману из Каширы, что просимая регулярная воинская команда, будучи прислана, поможет „собранию" и „примыканию" дворян с горожанами к делу организуемых корпусов. Но если дворянская мелкота не проявляла особого пафоса в вопросе организации корпусов, то большая ретивость, выказанная в этом деле местной дворянской „знатью", могла быть воспринята действительной знатью, которая проживала не в уездах и лично не хозяйствовала. как ретивость излишняя и даже, может быть, опасная. Особенно могли приводить в недоумение вести и слухи о некоторых диктаторских претензиях провинциальных дворян. В Костроме было решено чрезвычайным дворянским собранием провести полное подчинение избранным командирам корпусов всех жителей уезда, на основе имеющей быть выработанной особой инструкции. Предполагалось, что, в силу этой инструкции, под власть командира главного корпуса и начальников отдельных корпусов в каждом из станов должны подпасть не только приписные города и пригороды, не только экономические крестьяне, но даже солдаты межевых команд. В одном из параграфов „мнения" серпейского и масальского дворянства говорилось, что голова отряда, составленного мещанами, должен быть под началом у командира корпуса, какой будет организован дворянами. Весьма многозначительно заявлял в своем „голосе", присланном в собрание шуйского дворянства не раз упомянутый дворянин Соломон Марков, что необходимо обратиться с ходатайством о разрешении „выбрать нам вождя" такого, которому дворянство (очевидно, проживавшее в уезде) имело бы право поручить собрать в корпус людей из купечества и земледельцев всякого звания со всего уезда и вверить над этим корпусом достаточно полную власть. Можно думать, что этим предложением шуйский дворянин хотел устранить в своем уезде как раз то препятствие, какое

тяготило Юрьево-Польскую Провинциальную Канцелярию, сильно сомневавшуюся, окажется ли послушным весь уезд приговору „наличных дворян".

На ряду с дворянством в дни тяжелых предчувствий власть обратилась за помощью к купечеству. Представители торгового мира стали беспокоиться о „злодейском покушении" на Московскую губернию раньше, чем их призвали к тому центральная и местная администрация. Достаточно сказать, что по городам Московской губернии тревога начала распространяться с тяжелой руки гороховецкого бургомистра И. Д. Канунникова; это он 22-го июля явился в свою Воеводскую Канцелярию и сообщил, какие ошеломляющие новости привезли из Нижнего местные обыватели. Значительную инициативу проявили торговые люди и после официального обращения к ним за поддержкой. Нельзя не подчеркнуть того факта, что, наряду с дворянскими приговорами о корпусах, в очень многих городах Московской губернии выносились решения и купеческим миром об учреждении своих корпусов, либо об участии в дворянских. Московская администрация и дворянство в трудный момент призвали себе на помощь, однако, не купечество в целом. В союзники власти и дворянства по вопросу о „предосторожностях" от Пугачева оказалось избранным „первостатейное купечество" и кровно связанные с ним должностные лица посадского мира, все эти ратманы, бургомистры, „купецкие и градские головы". Имеющиеся данные по Костроме, Юрьеву-Польскому, Владимиру, Угличу, Туле, Калуге и некоторым другим городам определенно подтверждают такую роль первостатейных в чрезвычайных мероприятиях конца июля и начала августа 1774 г. по Московской губернии. Интересно, что в Костроме, во главе особого „купецкого" корпуса, были поставлены магистратские присутствующие с несколькими еще выборными должностными лицами купеческого мира и 6 человек из фабрикантов и первостатейных купцов. В правящих кругах провинций, повидимому, считали вполне „надежной" лишь верхушку купечества. Недаром в Шуе было решено послать к Нижнему с целью разведки о „злодее" и его „толпе" „первостатейных и состояния хорошего людей",— выбор пал на купцов Аф. Денисова и Алексея Ворошилова. Преобладающую роль первостепенных вряд ли можно об'яснять одной бытовой большей близостью их к администрации и дворянству. По всей вероятности, к остальным слоям купечества, как и вообще к отдельным элементам города, и администрация, и дворянство относились без особого доверия, порою, может быть, даже с опаской и подозрительностью. В Масальске и Серпейске, где вряд-ли было богатое купечество, никого из торговых людей не пригласили на обще-дворянское собрание по вопросу о „предосторожностях": „Ратуше с нами советовать, поелику нужда востребует",—говорилось в „мнении", одобренном дворянством. Равным образом волоколамский воевода Оглоблин, распорядившись созвать дворян на 5-е августа, вместе с тем решил „с ними одними о предосторожности совет сделать". На собрании этом, думалось воеводе, придется „трактовать", между прочим, о корпусах, и „что до составления тех корпусов дойдет", тогда, „по мнению воеводы", и мещанству определится". Дворянство, однако, постановило учредить „корпус" из одних „дворянских людей",—о привлечении посада к участию в чрезвычайном наборе в приговоре не было сказано ни слова. Наоборот, „на выходе из присутствия согласились дворяне дать вид народу, что собрание было... для собрания людей на препровождение пленных турок до города Калуги, которые следовать должны будут из Петербурга; а сим разглашением настоящий вид дела закрыть", тем более, что „о мире с турками народная молва есть". В приговоре от 5-го августа волоколамские

дворяне высказали интересное мнение, что, в случае опасности, „дабы народного собрания не было", необходимо будет „все торги отставить под претекстом сохранить от конского лошадиного падежа". В Туле прямо боялись „неблагопристойных разглашений" в городе и ждали, что от обывателей могут последовать „беспокойства". Было решено, что общество организует через „надежных" людей секретную разведку и шпионаж. А в случае, если „подлый народ" станет собираться „кучами", частным смотрителям надлежит разгонять его с помощью соцких и десяцких. Не вполне уверены были, в частности, в „оружейниках"; на этом основании главноприсутствующему оружейной канцелярии генерал-майору Жукову предложили распределять между ними оружие на случай опасности „по рассмотрению". Переяславль-Рязанский воевода, требуя с купечества до 200 человек в помощь городу по случаю опасности от Пугачева, казавшейся вполне реальной, обращал внимание, что на такой чрезвычайный случай следует выделить купцов „самых лучших и ободренных".

В Михайлове „из тамошнего купечества против приговора дворянского" о составлении корпуса оказались даже „преслушники", и Михайловской Воеводской Канцелярии, сообща с предводителем дворянства пришлось рапортовать в столицу 9 августа, что „преступники сыскиваются". „А как сысканы будут,—заверялся Сенат этим рапортом,—ежели, кроме противности и ослушания, ничего важного не предусмотрится, то они, как противники, накажутся тамо; а, если окажется какая важность, тотчас с нарочным в Сенат пришлются." Однако, через девять дней (18 августа) михайловская администрация, донося Сенату вновь о случившемся эпизоде, должна была сознаться, что пока пойман лишь один „противник и ослушник, тамошний купец Кузьма Коняев", да и тому „расспрос, за приключившеюся ему тяжкою болезнию, не окончен". Что же касается „зачинщиков ослушания", михайловских купцов: Почегина, Грошева, и Попова, то они бежали, причем Почегин даже „со всем домом", и неизвестно куда. Есть основания предполагать, „не удалились бы они к злодею или не собрали б себе из развращенных людей воровской толпы". „В рассуждении их побега" рапорт заканчивался просьбой прислать на время воинскую команду.

Но особенно тревожное настроение господствовало в рядах московской провинциальной администрации и дворянства, конечно в отношении деревни. По принятой официальной терминологии в июле и августе 1774 г. продолжали еще раздаваться голоса о „простом народе", „невежественном и глупом", легко поддающемся всяким соблазнам, посулам и искушениям. Юрьево-Польская Провинциальная Канцелярия была убеждена, что, задерживая подозрительных людей и агитаторов, казавшихся ей подосланными шпионами, она сможет сохранить в верности „простых людей". Направляя в Москву рапорт о присланном в Ярославль 26-го июля дворовом человеке сельца Борискова Бежецкого уезда Василии Соколове, задержанном в Рыбной слободе у Ратуши за произносимые „важные речи" о „злодее". Ярославская Провинциальная Канцелярия ходатайствовала перед столицей о разрешении ей высечь Соколова нещадно плетьми „при публике", так как от этих его речей „народ по малоразумию может некоторым образом колебаться". Однако, более чуткие или более трезвые из дворян, в обстановке стихийного размаха Пугачевщины и окружающих впечатлений, уже об'ясняли иначе настроения и поступки народной массы. В „мнении", одобренном серпейским и масальским дворянством, с совершенной определенностью подчеркивалось, что о Пугачеве стало известно всем, включая поселян, с самого начала „злодеяний"; призывы его,

„закону управления обществ и закону божию противные", „проникнули, видится, в сердца простолюдинов". Напрасно об'ясняют это некоторые простотой народной, не стоящей особого внимания. Дворянину, управляющему своими деревнями лично, не нужно доказательств: он „сам в себе наилучше ...познавает", что „лестность... быть независимым от помещика и выгоды... платить подать наилегчайшую крестьянина и слугу сильны склонить везде к намерениям подлым и предприятиям отчаянным". В отличие от дворянской знати с ее своеобразными представлениями о народе, влиятельное местное дворянство, хозяйственно крепкое, близко связанное с деревней, скорее поняло, что пугавший всех призрак страшен не простотой народной, а реальной, созревшей, близкой опасностью в каждой дворянской вотчине. И эта боязнь, эта тревога оказалась настолько сильной и всеобщей, что во всех уездах Московской губернии провинциальная администрация и дворянство добросовестнейшим образом принимали „предосторожности" против „злодейского покушения", не взирая даже на получавшуюся информацию о „бегстве" Пугачева в другие края. Власть и дворяне, повидимому, очень хорошо знали, что в деревне „лживые разглашения" встречают живейший отклик, что какие-то документы неизвестного происхождения быстро доходят до массового слушателя и читателя, что всякие разгласители „из низкого состояния и других чинов" живут и действуют безнаказанно, никем не выданные, всеми принятые, „приводя народ в робость и смятение". Не спроста в разведчики выбирали всюду людей „надежных", из офицеров, дворян и „доброго" купечества. Очень характерен приказ волоколамского воеводы Оглоблина отобрать у всех крестьян, к какому бы разряду они не относились, охотничьи ружья и винтовки вместе с наличным порохом, пулями и дробью и переслать все в Воеводскую Канцелярию, с таким расчетом, чтоб „за сим взятием ни у одного бы крестьянина огнестрельного ружья не оставалось". И шуйский дворянин Соломон Марков предлагал дворянскому собранию принять решение, чтобы все „огнестрельное" оружие было собрано от дворян и земледельцев и „препоручено вождю", начальнику корпуса. В Кашире воевода с предводителем дворянства беспокоились, что, в случае „злодейского нападения", „на крестьян и дворовых людей к сущей обороне надежду положить никак не возможно". Переяславль-Рязанская Провинциальная Канцелярия предвидела, что при наборе в корпуса будут случаи „сопротивления" и непослушания; в ее предписании прислать из уезда на помощь провинциальному городу людей „здоровых и надеждою к сопротивлению ободренных" слышатся плохо скрытые обратные опасения. В постановлении, принятом чрезвычайным собранием 1-го августа 1774 г. в Угличе, прямо сказано, что, в случае действительной опасности, необходимо жителей вместе с хлебом забрать в провинциальный город, чтобы они не сделались легкой добычей для „злодея" и не увеличили собою его „сволочи".

Неуверенные в деревне, как таковой, московская провинциальная администрация и дворянство, однако, знали и оттенки в отношении к ней. Вынося решения о корпусах, дворянские собрания часто подчеркивали, что корпуса учреждаются из дворовых людей, но не из крестьян. На дворовых, по крайней мере, на известную их часть, повидимому, больше полагались, чем на крестьян; но и среди этих последних отделяли лучших и неподозрительных от остальной массы, очевидно считавшейся менее надежной для противостояния „государственному возмутителю". Очень возможно, что в отдельных случаях предпочтение дворовых крестьянам при наборе в корпуса диктовалось и хозяйственными соображениями: с крестьянином дворянин часто бывал больше связан

экономически, чем с своей дворней. А была тогда горячая пора полевых работ.

В сохранившихся документах довольно много указаний на то, как дворянство и власть, видимо готовясь к отпору Пугачеву, одновременно мобилизовали внимание и силы и против врага внутреннего, своего, домашнего. Так, считалось вполне целесообразным держать до времени истину в секрете от „поселян". Серпейское и масальское дворянство, затмевая лавры волоколамского, решило „утаить отчаянное покушение проклятого Пугачева", „вымыслив разглашение", что „чинимые приготовления" нужны для обуздания поляков, разбежавшихся при возвращении из Сибири на родину и буйствующих теперь в разных провинциях Московской губернии „под одним только именем Пугачева" в союзе со ссыльными поселенцами. Масальские и серпейские дворяне не скрывали, что Калужская провинция настолько вся „упражнена уважениями действ" упомянутого „изверга", что, если не утаить яростных покушений его, тогда, конечно, не удастся и корпуса составить.

Дворянам рекомендовалось не отлучаться из деревень своих, внимательно следя за подвластным населением. В „мнении" серпейского и масальского дворянства определенно указывалось, что дворяне должны помнить об опасности не только извне; покидать деревни не следует; с точки зрения собственной же безопасности каждый дворянин обязан „разведывать и примечать разговоры и толки народные, глядеть на их усердие или холодность ко всем принимаемым распоряжениям, равно как наикрепчайше смотреть в своих селениях незнакомых людей и крестьян и никому не дозволять терпеть у себя посторонних, шатающихся без причины и нужды".

С мест, чуть ли не отовсюду из провинций Московской губернии, поступило в столицу внушительное количество ходатайств о присылке воинских команд на помощь. В одних случаях просто указывалось, что команда необходима в виду „настоятельной такой опасности". Но некоторые из ходатайств сопровождались откровенной аргументацией, что команды нужны для ободрения дворянства, для поддержания стойкости корпусов, для закрепления самой возможности их организации. Тульская Провинциальная Канцелярия недвусмысленно сообщала в Москву, что без настоящей воинской команды, конечно, „никакого успеху ожидать не можно" от „партикулярных людей", предположенных к набору в корпуса. Каширский воевода с предводителем дворянства, ходатайствуя перед Сенатом о порохе и свинце „для составленного от дворян корпуса", вместо с тем, просили дать на помощь и воинскую команду с пушками и снарядами „для ободрения упоминаемых дворян и всего города", чем „к составлению дворянского корпуса подать способ". Переяславль-Рязанский предводитель кн. Меньшиков в рапорте своем Сенату о решении дворян учредить корпус указывал, что необходимо снабдить Переяславль-Рязанский артиллерией и командой „из легких войск" на время, пока не кончится сбор людей в тот корпус.

В некоторых случаях шли на образование корпусов с определенным намерением использовать их, в случае возможности, против своих же крепостных. Так, среди шуйского дворянства существовало убеждение, что люди, собранные в корпуса, пройдя через определенную военную выучку и муштру, смогут „отженить от себя замерзелую суровость" и, „возвращаясь с переменою в домы их, слышав данные им от командиров благопристойные наставления, из всей черни оставшим в домах непринадлежащие собрания и буйства будут запрещать". Так же думали, очевидно, и дворяне Серпейского и Масальского уездов, решая скры-

вать некоторое время правду о „дерзких“ предприятиях Пугачева, чтобы обеспечить, между прочим, „совершенно легчайшую способность“ приготовить из крепостных „желаемых воинов“. Им казалось, что, раз корпус будет собран и отдан „под команду надежных офицеров“, изменчивых настроений народных придется опасаться гораздо меньше. Может быть, отчасти именно в расчете на такую „воспитывающую роль“ особливых корпусов, некоторые дворянские собрания принимали постановления о периодическом обновлении состава их. Характерно, что рекомендовалось освобождать людей, выделенных в корпуса, „от работ и прочих помещичьих доходов с их тягл“. Такую же льготу установило серпейское и масальское дворянство в отношении сотских, пятидесятских и десятских, предназначенных к „отправлению особливых должностей по приказанию воеводы“. А в число этих „особливых должностей“ сотских должно было входить, например, наблюдение, чтоб в селах и деревнях крестьяне не шатались толпами; сотским ставилось в обязанность доносить немедленно воеводе, буде приметят они у себя какие „зловредные разговоры“, а, может быть, и „в самом деле опасное каковое-либо от кого предприятие“. В ряде дворянских приговоров даны характерные указания, каким признакам должны удовлетворять люди, выделяемые в корпуса. Так, по мнению Епифанского дворянства, корпус надо составить из людей „совсем вооруженных и доброконных, здоровых и надежных“. И Суздальское дворянство высказалось в том смысле, чтобы экономические и дворцовые вотчины выставили в корпус крестьян „к службе годных, лучших и неподозрительных“.

Практика комплектования корпусов подтвердила полную основательность тревог и опасений московской провинциальной администрации и дворянства в дни ожидания Пугачева в отношении народной массы. Случай в Бронницкой дворцовой волости, о котором речь будет ниже,— далеко не единичный; один из подобных эпизодов имел место в городе Пронске.

Судя по рапорту Пронской Воеводской Канцелярии на имя губернатора Остермана от 11-го августа 1774 г., за неделю перед этим (4-го августа) здесь был получен указ из Переяславль-Рязанской Провинциальной Канцелярии. В указе этом содержалось предписание выставить „уланов“, на основании „прежде посланных“ распоряжений, и „неотменно“ исполнить новое предложение относительно набора, вооружения и высылки в провинциальный город отряда в 200 чел. „пахотных солдат“ (с общего количества в 3004 души м. п., числившиеся по 3-ей ревизии в подушном окладе по Пронску). Воеводская Канцелярия составила именной список солдат, подлежавших определению в отряд, и послала в слободы соответствующие наряды. Через несколько времени в присутствие Канцелярии явились из всех слобод сотские и подали доношение с отказом подчиниться требованию Канцелярии. Несмотря на усиленные уговоры воеводы, солдатские делегаты стояли на своем и после безрезультатных увещаний „отбыли обратно в свои слободы“. Так, пронские пахотные солдаты, действуя организованно, в провинциальный город „упрямством своим не пошли и учинили... преслушность“ приказу начальства. Аналогичное „происшествие“ случилось почти одновременно в другом городе Переяславль-Рязанской провинции—Гремячеве; и здесь „преслушниками“ оказались пахотные солдаты. В той же самой Переяславль-Рязанской провинции экономические крестьяне деревни Гавриловской и сел Спасского и Жерновищ заявили на предписание выделить людей в помощь провинциальному городу от „злодея“, что прежде помещичьих крестьян и других экономических вотчин они не пойдут. Посланному в эту местность прапорщику Измайлову

крестьяне сказали, что они никого не дадут для несения караула при Старо-рязанском перевозе. А когда Измайлов стал настаивать, крестьяне потребовали предъявления печатного указа, намеревались даже связать прапорщика, а некоторые из них многозначительно „проговаривали", что дворяне-то теперь „бегают". Как рапортовал Провинциальной Канцелярии титулярный советник Никита Барсуков, один из крестьян названной деревни Гавриловской, Яков Мыльницын, повстречавшись с ним на перевозе, сказывал даже: „Ежели идет неприятель, то будет хужей. А когда Петр Федорович, то им лутчей". В Мало-Ярославецком уезде имел место случай сопротивления набору в дворянский корпус со стороны фабричных коллежского асессора Гончарова.

Столица не оставалась неосведомленной своевременно обо всех недоразумениях, противоречиях и осложнениях, какие сопровождали на местах деятельность московской провинциальной администрации и ее союзников по принятию мер предосторожности от „изверга рода человеческого".

VI.

Указы Сената от 25-го июля провинциальным и городовым воеводам о „злодее" и разосланные по провинциям, вслед за ними через три дня указы Московской Губернской Канцелярии, развязав инициативу местной администрации и дворянства, действовали, между тем, недолго: 4-го августа из Сената в таком же срочном порядке были направлены всем воеводам Московской губернии новые указы, коренным образом изменявшие первоначальные распоряжения.

Московские департамены сената еще 26-го июля отменили свое решение о чрезвычайных мерах по обороне столицы, принятое накануне под влиянием быстро возникшей паники. Опасаясь последствий намеченных мероприятий, в тревоге за население, те, кто привык держать „Пугачева" в строжайшем секрете, не могли, конечно, пойти на деле в тот момент ни на мобилизацию дворян с их людьми в столице, ни, тем более, на перепись и вооружение московских фабричных. Медленнее, но в том же направлении изменялась политика высшей московской администрации и в отношении губернии.

Московский губернатор Ф. А. Остерман, доверяя, повидимому, продолжавшим поступать тревожным сообщениям, по-прежнему убежденный в необходимости „предосторожностей", рапортовал Сенату в самом конце июля, как неоднократно и рачьше, что провинциальные и городовые канцелярии постоянно обращаются к нему с просьбами об артиллерии, снарядах, порохе, свинце, ружьях, и он в затруднении от этих запросов. В Сенате этот рапорт слушался 31-го июля и было решено затребовать по этому поводу мнения отсутствовавшего кн. М. Н. Волконского, в „диспозиции" которого состоят „здешние воинские команды". Посланному с этой целью на дом сенатскому секретарю Бакееву Волконский заявил, что из полученных донесений он не усматривает действительной опасности от „злодея": „толпа" его „рассыпалась", сам Пугачев стремительно бежит на Дон,—готовиться к отпору, поэтому, излишне. Сенатские указы от 25-го июля вовсе не рекомендовали „вооружения без настоящей в том нужды людей", и напрасно на местах поняли их в этом смысле. Следовало бы, наоборот, предписать только ловить везде бродяг, беспаспортных, праздношатающихся и вообще всяких подозрительных людей. К тому же Артиллерийской Конторе, ведь, уже дано распоряжение отпускать порох по требованиям городовых начальников за наличный расчет. В соответствии с мнением Волконского

сенаторы постановили „доложить в полное собрание“. На следующий день, 1-го августа Сенат принял определение, которое совершенно меняло политику, усвоенную им неделей раньше. В ответ на постоянно поступавшие запросы из провинций, уездов и от московского губернатора о высылке в города Московской губернии артиллерии, ружей и всяких военных припасов, Сенат признал корпуса на местах излишними, ненужными и решил обратить внимание местной администрации на необходимость „усердного радения“ с ее стороны только по борьбе с опасным элементом [10]).

Перемена курса сказалась и на действиях московской губернской администрации. 1-го августа 1774 г. в Москве было получено из Коломны „доношение“ на имя губернатора с известием, что на 2-ое августа там назначен сбор из уезда жителей, выделенных для несения различных военных обязанностей, в связи с опасностью от Пугачева. Познакомившись с доношением, гр. Ф. А. Остерман тут же распорядился рекомендовать ретивой Воеводской Канцелярии придерживаться строго изданных указов и, поскольку „злодей рассыпан“ уже, вооруженных жителей не собирать, так как это может „произвести не только на оставших в уезде страх, но и жительствующие в городе... восчувствуют примечание“. Разведку же и борьбу „с партиями“, если они появятся под именем „злодейским“, необходимо возложить на соцких с пятидесяцкими, которых подчинить частным смотрителям, и каждые две недели рапортовать губернатору о „благополучном состоянии“. В случае, если сведения, подобные коломенским, получатся из других городов, „подтверждать“ и им „по сему определению предложениями“.

Так, вслед за многочисленными указами, только что отправленными из Москвы, с призывом к самодеятельности прозвучали в столице первые предостережения провинциям против серьезных проявлений ими своей инициативы в подготовке обороны от „злодея“, хотя в это время столичная власть ни чуть не меньше тревожилась за возможность „покушения“ на Москву, чем неделю назад, 25-го июля. Дворянская активность могла показаться подрывающей административный авторитет.

Ни сенатское определение от 1-го августа, ни распоряжение московского губернатора от того же числа, не были, однако, оформлены указами в тот момент. В Сенате приступили к рассылке соответствующих указов лишь через четыре дня и, отправляя их в провинции и уезды Московской губернии, помечали уже не 1-м, а 4-м августа 1774 г. В этих указах, на ряду с похвалами усердию, проявленному на местах, содержалось решительное осуждение „сбора и вооружения людей“ в уездах. „Из последних рапортов Сенату известно“,—говорилось в этих указах, что „Пугачев“ „с самою малою шайкою отправленными воинскими командами гоним и поражается, и от времени до времени бежит от селений даже в степные места“. „В рассуждении сих обстоятельств“, а также вследствие „настоящей ныне для хлебопашцев рабочей поры“ уже нет надобности тревожить население; „городовые начальники“ и без этой дополнительной помощи сумеют следить за „разглашениями“ и „подозрительными людьми“ при посредстве штатных команд.

4 августа датировал свои воспретительные ордера и губернатор Остерман. Так, этого числа писалось от его имени в Ярославль, что напрасно на местах приступили к организации корпусов, руководствуясь одними слухами, при отсутствии „ближайшей опасности“. В ордере повторялось содержание губернаторского определения от 1 августа (см. выше) и дополнительно указывалось, что, благодаря „бытию в городе“ большого количества „выбранных людей“ (в корпуса), могло бы

произойти „сбору государственных доходов помешательство", а то и вовсе остановка.

Нельзя не обратить внимания на два факта. В тот день, каким датированы указы, воспрещавшие организацию на местах корпусов (4-ое августа), среди других донесений из провинций и уездов Московской губернии Сенат слушал рапорт Дворцовой Конюшенной Канцелярии о полученном ею сообщении от управителя Бронницкой волости Крузе, что крестьяне той волости отказались дать в учреждаемый корпус положенных двух человек от каждых ста душ. А накануне, 3-го августа, в доме Волконского состоялось собрание столичного дворянства, „положившее сочинить корпус гусар" из своих дворовых людей на собственном „коште"; во главе корпуса был поставлен крупнейший московский магнат гр. П. Б. Шереметев. „Все охотно сего желают,—писал императрице московский главнокомандующий за несколько часов до собрания,—и когда уже все сие установим, то вашему императорскому величеству впредь донесу". Не будет невероятным предположить, что задержка в рассылке по городам указов на основании сенатского определения от 31-го июля—1 августа произошла в связи с ожидавшимся новым решением вопроса о дворянском ополчении, а самый указ от 4-го августа не может быть понят вне зависимости от волнений, социальных противоречий, явной и скрытой оппозиции, какие дали себя знать или почувствовать при формировании корпусов в различных районах Московской губернии.

После нескольких дней некоторого замешательства в первые моменты тревоги за Москву, в руководящих столичных кругах стал вырисовываться иной план действий, отличный от политики Волконского. Назначение П. И. Панина, этого „персонального оскорбителя" Екатерины, „главным начальником сил, отряженных на сокрушение известного всему государству злодея", не случайно совпало с моментом обострения в дворянстве оппозиционных настроений против московского главнокомандующего. Москвич Панин не спроста дал понять императрице в одном из писем, что общество раздражено политикой секретов и умолчаний в момент, когда опасность грозит самой Москве. Большое удовлетворение, испытанное московским дворянством от назначения Панина, подчеркнуло красноречиво симптоматичность этой кандидатуры. Получив „полную мочь" лишь в отношении губерний: Нижегородской, Казанской и Оренбургской. Панин в действительности распространил вскоре свою власть на ряд территорий, официально от него не зависевших. Однако, новый главнокомандующий, повидимому, в полном согласии с руководящими столичными настроениями, начал свою деятельность не с мер борьбы против самого Пугачева, а с серьезных и спешных действий, имевших задачей упорядочить и успокоить тыл и, в частности, Московскую губернию. Стремление „обеспечить положение Московское" стало исходным пунктом всей политики Панина. Недаром он надолго задержался в столице, непонятно затянув свой от'езд в Поволжье. В самых последних числах июля 1774 г. был отправлен внушительный отряд из трех регулярных полков под командой генерал-майора Чорбы в направлении на Владимир; отряду предписано зорко внимать просьбам о помощи из уездов Московской губернии. На смену допущенной кн. Волконским в минуту паники широкой децентрализации в подготовке обороны с очевидностью заявили о себе иные методы преодоления „злодеевой" опасности: регулярная военная сила, подчиненная главному командованию, и особый корпус из находящейся в Москве верной дворовой челяди, намеченный к организации столичным дворянством. Указы от 4 августа 1774 г. оставили на долю провинциальной

администрации только право и обязанность следить за внутренним состоянием населения и во время извещать об этом как Москву, так и командира отряда, специально выделенного для защиты Московской губернии.

Продолжая и после тревожиться относительно „происшествий", благодаря поступавшей малоутешительной информации, провинциальная администрация Московской губернии исправно выполняла обязанности, наложенные на нее указами 4 августа в их положительной части. Еще долго не прекращался поток просьб в столицу о присылке пороху и прочих военных припасов. На местах по-прежнему следили тщательно за подозрительными людьми, „непристойными разглашениями"; заставы продолжали стоять, стеснения при передвижении все не отменялись. Уезды, повидимому, переписывались с генерал-майором Чорбой.

Кадыевская Воеводская Канцелярия Костромской провинции даже еще 15 сентября 1774 г. рапортовала Сенату, что „на учрежденных в ведомстве той канцелярии заставах людей приумножено, и надлежащая предосторожность сделана", так как, по дошедшим до Канцелярии сведениям, „из партии известного государственного злодея бывают для примечания по городам и в селениях караулов раз'езды".

Несмотря на то, что Пугачев и его „рассыпанные шайки" так и не появились в пределах Московской губернии, населению последней пришлось стать свидетелем террора, покончившего с Пугачевщиной. 19-го августа во вторник, «пополуночи в 12-ом часу», при большом собрании народа из города и уезда, под Муромом был повешен „преступник", мастеровой с Добрянского завода графа Строганова в Соликамском уезде, Петр Еремеев, присланный для производства „экзекуции" из Казанской Секретной Комиссии. Гр. Панин, проезжая Переяславль-Рязанской провинцией, „повелеть соизволил" поставить по четырем большим дорогам, сходящимся в Рязани, „виселицы и на столбах колеса в страх черни и обывателей..., что все... и учинено". Под одною из таких виселиц получил 75 ударов кнутом упомянутый выше Гавриловский крестьянин Яков Мыльницын и тут-же был отдан своему вотчинному начальству с „урезанным несколько его злодейским языком".

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Три документа, помещаемые ниже, воиспроизводятся с оригиналов, которые содержатся в деле № 276 (А 15) Щукинского собрания в составе Отдела Архива Государственного Исторического Музея (л.л. 218—221, 200—205 и 238—239). При печатании сохраняется орфография и словонаписание архивного прототипа, но по техническим условиям не представилось возможным соблюсти их в точности (из-за отсутствия шрифтов на буквы „*i*", „ъ" и „*ѣ*"). Публикуемые документы появляются в печати, сколько нам известно, впервые.

№ 1. *)

1774 года августа 4 дня, во исполнение Правительствующаго Сената указа, полученного от 25 числа июля сего 1774 году, о предосторожности к защищению города Коширы и всего уезда от зловредных предприяти злодея Пугачева, собравшееся в город Коширу Коширского

*) *Перед текстом:* „Копия". *По листам скрепы:* „Секретарь Никóлай Жилин". „С подлинным читал регистратор Николай Сорокин". *На полях слева—часть скрепы, полный текст которой:* „К отдаче в Государственной Московской Арьхив Старых Дел крепил за арьхивариуса губернский секретарь Иван Булатов".

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА

уезда благородное дворянство, выслушав оной Правителствующаго Сената указ и учиненныя по оному Коширскою Воеводскою Канцелярию в предосторожность города распоряжени и полученной же после того ис Переславской Правинцыалной Канцеляри Резанского во известие в Коширскую Воеводскую Канцелярию от 2 числа сего августа указ, на требование Коширской Воеводской Канцеляри о обстоятелствах вступления помянутого злодея Пугачева в город Касимов, состоящей в двустах верстах от границы Коширского уезду, которым указом реченная Правинцыалная Канцелярия знать дает, что где оной злодей Пугачев ныне—неизвестно, однако ж к надежнейшей безопасности и уважая нужнейшую к сохранению города и всего Коширского уезда предосторожность согласно положили слеующее:

1-е. Всем дворянам, будучи внутри уезда и каждому в своем жителстве отныне во все то время, когда совершенно опасность настоять ммеет, быть самим готовым к выступлению для прораження сего злодея з дворовыми своими людми и крестьяны, сколко годных к сему предприятию у кого в селени сыщется вооруженных, не счедя жизни своей с таким оружием, какое у кого на первой случай готовое есть. И по данному известию тот час следовать в то место к границе Коширского уезда, где надобность будет. И быть всем в команде учрежденного в Коширском уезде господина предводителя от дворян.

2-е. Весь уезд разделить на две части: первая—от реки Оки при границе Серпуховскаго уезду до реки Осетра, вторая—от реки Осетра до Аки-реки при границе Коломенского уезда.

3-е. В тех частях выбрать для сего нужнаго действия из дворян помошников господину предводителю: в первой части, по обширности Коширской границы, двух и в другой двух же, с которыми господин предводитель имеет делать надлежащия диспозици, смотря по важности времени и движения неприятеля.

4-е. Для раз'езда до границ уезда и получения главной команде нужных о движениях сего злодея сведениев на первой случай ныне немедленно выбрать в первой части сто, а во второй пятдесят человек конных из дворовых людей и крестьян, способных к сему, и содержать на коште дворян до учреждения особого с числа душ военного конного корпуса. А учрежденной ныне по границе ис крестьян кордон снять.

5-е. Пороху до сороку, а свинцу до ста дватцати пуд господин предводитель имеет истребовать чрез Воеводскую Канцелярию, от артиле*[ри]* и ружья—сколко можно, откуда надлежит.

6-е. Всем дворянам, в Коширском уезде живущим, из уезда никому никуда не отлучатся до того времяни, пока сия опасность настоять не будет. А естьли кому законная нужда будет отлучится куда, о том требовать дозволения от господина предводителя, препоруча притом свои деревни в полную власть из благородных, кому поверить можно.

7-е. На сей же нужной случай, сверх всего вышеозначенного, составить особой корпус военной из вооруженных конных людей, собрав со всего Коширского уезду с положенных в подушной оклад с 400 сот [*sic*] душ по одному и содержать от Коширского дворянства на своем коште для раз'езду во всем Коширском уезде до границ смежных уездов. И быть сему корпусу под командою господина от дворян предводителя в 2-х ротах, в каждом при одном капитане, одном порутчике или прапорщике с надлежащим числом ундер-офицеров из дворян коширских. Жалованье имеют получать в сем корпусе обер-офицеры и все чины и редовые армейское. И быть сему военному конному корпусу до того времяни, пока от злодея Пугачева опасность в Коширском уезде настоять не будет. После чего сей корпус распустить на прежнее

жилище, откуда кто взят. Что ж касается до униформа мундира и аммуниции сего корпуса, також и ружья, то на сей чрезвычайной и строгой случай все оное имеет быть зделано под главным ряспоряжением [*sic*] господина от дворян предводителя, наблюдая не излишное украшение, но способность службы.

8-е. Что касается до государственных крестьян в Коширском уезде, состоящих в ведомстве Государственной Коллеги Экономи, оныя во всем вышеозначенном нужнейшем учреждени к сохранению всего в Коширском уезде общества имеют быть во всем равны с помещиковыми крестьянами, под предводителством определенных у них экономических казначеев

9-е. А как Коширской уезд состоит на великом разстояни и защищает с Украинской стороны от сего вреднаго Российскому государству злодея столичной город Москву, и для толь важнейшей предосторожности благоволит господин Коширской воевода учинить представление в Москву в Правителствующи Сенат с требованием армейской... *) воинской достаточной команды с надлежащею артилериею.

10-е. И в непременном всего вышеписанного исполнени подписуемся, с таким дополнением, что подробныя касающияся при учреждени корпуса к распоряжени, яко-то: о складочных денгах и о мелкопоместных и о протчем, имеет учинить господин от дворян предводитель со определенными им помощниками, сколко оных им для того потребно будет. Равным образом, и о таких дворянах, которыя за старостию и болезнию ко обороне города и уезда от злодея Пугачева сами быть не могуть, кому оныя своих людей и крестьян на сей случай вверить могуть, також и о таких великих волостях и деревнях, где ныне самих дворян нет с десяти душ одного.

Подлинное ж положение подписано тако: Коллежской советник и благородного Коширского дворянства, предводитель Николай Юшков. Генерал-маеор Андрей Ильин. Действителной статской советник Дмитрей Симонов. Полковник Петр Семенов. Полковник Федор Хрущов *[дальше перечислено еще около 120 каширских дворян, давших подпись на приговоре].*

№ 2.

Мнение

воевод: масальского—Николая Евсюкова, серпейского — Івана Сытенского, да серпейского дворянства предводителя Петра Суходольского.

Высочайшими указами из Правительствующаго Сената, на сих днях в Мосальске и Серпейске полученными, дано знать о принятии отражателных мер в разсуждении известного всему отечеству злодея Пугачева, которой с своими сообщниками, бросаясь то в ту, то в другую стороны, наводит безпечным жителям больше страху, нежели опасности. И для того Правительствующий Сенат повелел, поговоря с предводителями дворянскими, предложить в каждом уезде благородному дворянству, дабы они из дворовых своих людей, по примеру достойного вечной хвалы Казанского дворянства, составили корпус, которой мог бы служить к сопротивлению силам беснующагося злодея, а мещан такожде приклонить к приведению в безопасность свои жилища.

Мы, нижеподписавшияся, не входим в подробное изтолкование важности сего повеления, ниже определяем точно опасности, грозящей в местах наших. Предоставлено одному правительству то ближае ведать

*) *Слово „армейской“ в оригинале повторено дважды.*

и рассуждать, а нам токмо повиноватся и исполнять. Но положим, что нет и не будет нужды ни в нашей предосторожности, ни в наших паче действиях; то и в таком случае не можем ли мы признатся, сколь велико о нас попечение правительства.

Кажется невероятно нам, чтобы изменник, ушедшей из тюрмы, пораженной толикократно храбростию верных воинов и бегающей в отчаянии от мщения и достойнаго наказания правосудной нашей государыни, в состоянии был с презренною и вероломною своею партиею пройтить свободно и без вознрепядствования из Казанской губернии даже до здешних обиталищ чрез города довольно крепкия, чрез селения многия и великия и потревожить спокойство наше, коим ныне мы совершенно ползуемся. Однако, проницателное правительство возхотело, чтоб мы и самого невозможного не пренебрегали, чтоб мы бодрствовали и при самой тишине, и, таким образом, упреждая наше колебание, в случае каковых-либо слухов и подлиннаго сумнительства, заставляет теми ж мерами, какия от Казанского дворянства во время необходимости приняты, оградится и быть в осторожности во время хотя и не нужное. Не достойно ль обожения таковое попечительное правительство!

Приемля все то в размышление, по званию своему и паче по возложенной на нас особливо на сей случай доверенности, готовы мы способствовать благородному дворянству уездов Серпейского и Мосальского не токмо советами, но и всем тем, чего оное от нас к руководству в самом деле пожелает.

Но наперед да позволят спросить вообще всех и каждого особо, излишно ль и тягосно им то покажется, чтоб в самой средине безопасности иметь опасение и малое иждивение на вооружение и содержание своих людей употребить с существителною своею ползою в угодность правительства.

Дознав опытами здешняго дворянства благородной дух, любовь неограниченную к отечеству и усердную готовность к повиновению своей всемилостивейшей монархине и законам ея, не можем мы ничего сказать вопреки нашему предложению. Итак, по нашему слабоумию разсуждаем:

1-е. Всяк может признатся, что имя злодея Пугачева с того времяни здесь всем, даже да поселян, известно стало, с котораго он начал свои злодеяния. Его разсеянии, закону управления обществ и закону божию противныя, проникнули, видится, в сердца простолюдинов, будто он, преклоняя к своей шайке подобных им в Казанской губернии, обнадеживает уменшить их подати и свободить от должностей к их помещикам. Здесь никто прямо об оном не говорит, но многия без сомнения чувствуют или, неосновательно то слыша от посторонних, или внушая то себе от разговоров собственных челядинцов, да и приемлют без уважения, отдавая нащет их простоты. Нет и на сие доказательства, да оно ж и не нужно: ибо дворянин, управляющей своими деревнями, сам в себе наилутче то познавает. Но чинимое, однако, о сем примечание не требует упущения. Лестность, чтоб быть независимым от помещика, и выгоды, чтоб платить подать наилегчайшую, крестьянина и слугу силны склонить везде к намерениям подлым и предприятиям отчаянным. И, хотя никак невозможно надолго совсем от них скрыть прямыя виды приемлемой предосторожности, то по меншей мере надлежит постарался на-время приуспения в оной утаить отчаянныя покушения проклятаго Пугачева. А, между тем, вымыслить разглашение, что чинимыя приуготовления нужны на поиск и отражение разбежавшихся с дороги поляков, которые ведены были из Сибири для возвращения в их отечество, и которые, отмщевая неволное их в Сибири содержание, в немалом числе шатаются по разным провинциям Московской губернии

и, нападая на деревни и на города под одним толко имянем Пугачева, которой, сколко известно, под Казанью разбит, до основания грабят и разоряют обывателей, отемля у иных жизнь и имущество; причем прибавить, что к их шайке пристали также наши поселенныя, отлучась от команд своих и не желая явится в прежних своих жилищах. Нельзя, повторяем мы, надолго утаить яростных покушений Пугачева. Вся наша провинция упражнена уважениями действ его. Однако, пусть будут хотя два уезда здешния в прямой неизвестности о наших распоряжениях и, размышляя о числе разбойников, которые при себе пушек не имеют, дадут совершенно легчайшую способность зделать из себя желаемых воинов, нежели изтолкованием дерзости Пугачева разслабить их духи, устрашить и в уныние привесть. По сочинении ж корпусов и по отдании оных под команду надежных афицеров, должно сего меньше опасатся.

2-е. Указами велено реченныя корпусы составить из дворовых дворянских людей. Сие и нужно по способности последних. Но как не всякой дворянин имеет доволное число оных, а притом иной из своего усердия даст, другой в тягость перваго иногда отговорки приносить станет и не по мере своего достатка служить похочет А от тех селений, в коих сами помещики не живут, и коих немалая часть в наших уездах находится, а, следователно, в них и дворовых людей нет, не можно уже будеть ожидать никакой помощи. Чего ради и дабы предупредить споры, могущия иногда к напрасному потерянию времяни произоитить, надобно и нужно определить число людей известное; и чем оных болея, тем полезнее для самих дворян, тем безопаснея для их селений и городов быть имеет. Нам мнится, что со ста душ, действително владеемых, не тяжело будет дать одного двороваго человека, доволно отважнаго и надежнаго, снабдя его одеждою и обувью, какою господин похочет, лошадью с седлом, деньгами за провиант и ѳураж на месец и вооружа его обыкновенным ружьем или карабином, да на первой случай шестьюдесятью патранами [*sic*] трехзалотниковыми с пулями и порохом и тесаком или палашом с рагатиною. А что касается до тех селеней, где нет, как выше упомянуто, господ и хороших прикащиков, имеющих при доме господском дваровых людей, с тех от старост и выборных потребовать по полагаемому числу пешаго сильнаго и праворнаго из крестьян челевека, а особливо умеющаго стрелять, каких бы он лет ни был, также с ружьем и порохом и с рогатиною. И как конным, так и пешим велеть явится в городе у дварянскаго предводителя, с наикрепчайшим подтверждением о их службе и усердии и с обнадеживанием милости и награждения господскаго всем тем, которыя поставляемым над ними начальникам повиноватся и хорошо поступать будут.

3-е. Экономических казначеев приглася, велеть по чинимому разположению выбрать из деревень ведомства их лутчих, силных и стрелять умеющих крестьян с такими ж орудиями и припасом, как выше сего о пеших дворянских крестьянях молвлено, и, определя к ним из их собственных выборнаго, представить воеводе для присовокупления к корпусам. Да не худо, естьли они и сами, в случае опасности, при оных корпусах быть и единодушевно действовать возмутся.

4-е. Но чтоб те селения, с коих дадутся кони со всадниками, не имели лишняго отягащения противу тех, с каторых одни токмо пешия крестьяня возьмутся, то, кажется, справедливость требует уравнения. Итак, с селений, дающих пеших, не изключая экономическия вотчины, вдобавку к их людям, должно собрать подможныя деньги по разчислению на ѳураж для содержания лошадей всадникам.

5-е. Конных и пеших разделить на две части. В каждой сотенной части надлежит определить по примеру воинской роты обер-офицеров, достаточно сведущих свои должности, каковых в Серпейском уезде довольно есть. Над всеми же частьми избрать началником из дворян искуснаго и разумнаго, которому непрестанно иметь сношение с воеводою и сильно возбуждать в своих подчиненых отвагу и усердие к обороне своих селеней и городов, а, в случае нужды, и предводительствовать самому против врагов. Между тем же, по собрании сих людей, что учинится должно с наивозможною скоростию и поспешением, и разположа их в ближних к городу деревнях, самому упомянутому началнику потребно зделать им имянной список с об'яснением при каждом орудий и снарядов. И, по уведомлении о том воеводу, без наималейшаго отлогателства приниматся обучить их проворному стрелянию и нужным поворотам.

6-е. Мнение наше о даче со ста душ одного двороваго человека, сверьх описанных в 2-м пункте резанов, положено по необходимости в разсуждении паче тех селений, в котарых не живут помещики. А от благородных усердных и доброжелателствующих отечеству и собственной себе, дварян, в здешних местах обитающих, никак не отемлется желание и готовость с толиким числом дваровых своих людей к помощи явится, с коликом кто будет в состаянии. Напротив чего презирающий опасность и мало пекущейся о добрых разпорядках всегда останется в пороке легкаго к своим согражданам усердия и любви.

7-е. Господа дворяне, отдав, таким образом, вышеписанных людей, не должны, однако, пренебрегать опасности в собственных своих деревнях и потому не токмо не отлучатся из оных, опричь уезднаго города, но и оставшихся у них людей иметь всегда готовых и потребными к обороне орудиями снабденных. Да и в таком случае, естьли, паче чаяния, злодеи где-либо блиско появятся, поспяшать в город, дабы немедленно соединится с корпусом их избраных людей, и умножить общия силы к сопротивлению и паражению хищников жизней наших и имения. Славнея, конечьно, сражатся, нежели умират в углу своего дома. Причем предоставляется благоразумию каждаго разведывать и примечат разговоры и толки народныя; гледеть на их усердие или холодность ко всем принимаемым распаряжениям, равно как наикреп'чайше смотреть в своих селениях незнакомых людей и крестьян и никому не дозволят, терпеть у себя постаронних, шетающихся без причины и нужды. А ежели таковые явятся, оных забирать и отсылать к воеводе.

8-е. Соцких, пятидесяцких и десяцких господам дворянам отнюдь не употреблять в работы свои, но предоставит их на отправления особливых должностей по прикозаниям воевод. И соцким остатся в своих жилищах, которым секретно велеть по своему уезду крепко наблюдат, чтоб толпами никакия крестьяне не шатались. И естьли где сие примечено будет, о том немедленно воеводе доносить, а особливо о том, ежели иногда или зловредныя разговоры случатся, или в самом деле опасное каковое-либо от кого предприятие учинится. А пятидесятским по одному, десятским же по два человека с оружием, какое у ково найдется, приказать явится в городе, где потребны для посылок и подкрепления, в случае необходимости, сил городской воинской команды и партии мещанства, да и для укрепления нужных мест.

9-е. Если у кого из благороднаго дворянства находятся пушки, какого бы ни были калибра, в таком случае мы надеемся, что никто

не откажет снабдить оными города на одно токмо нынешнее время. А картечь просит пристойно от господина коллежскаго ассесора Гончарова, которой без сомнения не отречется оказать тем любовь к городам, и о его безопасности пекущимся.

10-е. Обоих городов почтенные мещаня равным образом к сему учреждению приглашаются. Известное их усердие к повиновению правительству и к сохранению общаго городов благополучия подает надежду, что они 1-е, охотно на себя примут составить из себя и из своих работников часть силы, вооруженной достаточно и снабденной всеми потребными к тому припасами. Ружья, порох, свинец и копья суть первыя к тому нужности. 2-е, по описании избираемых ими на опасной случай людей надобно о числе их и о количестве орудий и припасов сообщить исправной список воеводе и их самих притом представить, дабы в самом деле, при случаи нужды, на известность сил верно положится можно было. 3, иметь им у себя над оными головою, кого заблагоразсудят, каторому зависет под предводителством и разпоряжением определяющагося к корпусу военнаго началника, имеющаго их также приучить к военному действию, но без градскаго началника ничего собою не предпринимать. 4-е, по числу дворов определить десятских, а начальником над ними выбрать одного из судей ратушских, которому особливо препоручить осмотрет все дворы, нет ли в городе каких-либо безпашпортных и праздношатающихся, что наблюдать чрез упомянутых десятских ежедневно, обходя все дворы по утру и в вечеру и репортуя обо всем воеводе А в первой раз взять со всех обывателей подписки о недержании никому у себя тех праздношатающихся и безпашпортных людей и, ежели таковыя явятся, оных для разсмотрения представлять воеводе ж. 5-е, обывателям без крайней нужды из домов своих без пашпортов и дозволения градоначалника не отлучатся; а, если кто в том иметь будет необходимость, то взять с них подписки, что они по расположению оставляют за себя людей, снабденных потребностями. 6-е, по в'ездным улицам учредить рогатки и из десятских иметь караул с трещотками, коим велеть незнакомых и сумнителных удерживать и к воеводе приводить. 7-е, пушкарей и прочих разночинцов причислить к городовой воинской команде. 8-е, Ратуше с нами советовать, поелику нужда востребует. И как торгующия купцы имеют в разных местах свои корреспонденции, то мы надеемся, что те, которыя что-либо услышат в разсуждении действ и места злодея Пугачева, не оставят сообщить нам для подкрепления приемлемой остарожности.

11. Нелзя, видится, и того оставить, что, естли пач чаянии злодеи действительно к нашим уездам приближатся, тогда надлежит чрез учреждаемых в последних сих уездов деревнях вестников недреманно наблюдать, в какую сторону его обращение наклонятся будет. И где ударения его силней окажутся, туда на помощь из обоих коппусов отделят конных по требованию того или другаго воеводы, дабы с тем большою возможностию отразить злодея и далея в селения уездныя пробратся не допустить.

12. Наконец, никак о том сумневатся не можно, ежели в самом деле опасность здешним городам и уездам быть имеет, чтоб толико пекущееся о нас правителство не соизволило ускорить присылкою к нам силной воинской помощи и тем паче привесть нас к положению с своей стороны всех возможностей для востановления в обиталищах наших спокойствия. Но чтоб и малыми нашими силами могли мы храбро и способно отразить злодея,—а известно, что в здешних городах нет

ни пороху, ни свинцу,—того ради разсуждено нами отправить нарочного офицера для покупки как пороху и свинцу, так и тесаков, надеясь снабдить и тех, которыя в оных вещах нужду иметь будут, с возвращением заплаты.

Воевода города Масальска Николай Евсюков.

Города Серпейска воевода от армии премиер-маеор Іван Сытенской.

Предводитель Серпейского дворянства секунд-маер
Петр Суходолской. *).

Учинено втораго августа 1774 года.

№ 3 **)

Сего августа 4 числа 1774 года в Шуйской Воеводской Канцелярии в собрани дворянства от надворнаго советника Соломона Маркова.

Голос.

Видим мы Высокоправителствующего Сената о нас рачителное попечение данным указом в ползу предосторожностей наших, чтоб незнанием не подвергнутся нам каким-либо несчастиям. И требуется от нас на оное из'яснения. Почему я на первы случай по скорости времени о предосторожностях мнени мои предлагаю следующее:

1-е. На дорогах болших, по коим в'езжают в Шуйской уезд, хотя и должно зделать раз'езд, но, в разсуждени конскаго падежа, зделат караулы по четыре человека пеших и при них маяки со отданием караульным приказов: естли в коем месте воспоследует нужда, то зажечь маяки, а потом и во всех местах по той дороге до города Шуи. Почему все дворянство имеют с людми их и с крестьяны со всяким орудием тотчас следовать в город Шую для охранения онаго. И на первой случай надворной советник Марков при себе вооруженных имеет семь человек, с которыми сам в случае нужды и со всеми ево крестьяны город и уезд охранят имеет.

2-е. В подтверждение жь лутчей осторожности, представя Правителствующему Сенату, просит, чтоб дозволено было выбрат нам вождя, которому поручит собрать со всего уезду земледелцов всякаго звания и купечества з двусот душ по человеку крепких и здоровых людей, коим быть в крестьянском одеяни с их орудием на полмесеца с правиантом, чтоб при всяком было пороху по ѳунту, свинцу по три ѳунта, ружье со штыком и короткой бердыш, подпоясанной на кушаке. Для исправления сего вождь может требовать мастера из других правинцей или ис казны просит за указные денги. На содержание тех же двусот душ вождь же на первы случай до исправления ружей долженствует приучать собранных людей к повиновению команды и употреблением, как быть в действи, копей, метанием каменьев, в хождении и протчее тому подлежащее, по благоразумию его. И со оными людми охранят город с уездом.

---

*) *Все три подписи скрепляют „мне[illegible]" по листам. На полях слева—часть скрепы Ив. Булатова, воспроизведенной выше.*

**) *Перед текстом:* „Копия". *После текста:* „*Григорий Барзаков*" (*шуйский воевода*). „С подлинным читал подканцелярист *Козма Романов*". *На полях слева—часть скрепы Ив. Булатова, воспроизведенной выше.*

3-е. По прошестви двух недель в благополучное время собранные л[юди] отпустятся в их домы для земледелия, но в месец один раз на два дни, где будет назначено от вождя место, являются к их команде для данного им повеления и наставления к добрым поведенциям, сняя из сей черни грубую замерзелость, также и в подтверждени обучения.

4-е. На первой же случай огнестрелное имеющее оружие у дворян земледелцов, собрав все, препоручить вождю, с которыми обучат может, выбрав стрелков.

5-е. Собранные люди от работ и протчих помещичьих доходов с их тягл уволняются

6-е. Возж[дь] де же избирает к себе по ево разсмотрению из отставных афицеров и находится имеет с ево командою в повелении ея императорскаго величества и указов Правителствующего Сената, а не по[д] другими командами. Собранные ж люди на всякое время приобучаются х команде, чрез что замерзелую в них суровость могут от себя отженит и, возвращаясь с переменою в домы их, слышав данныя им от камандиров благопристойныя наставления, из всей черни оставшим в домех непринадлежащие собрани и буйства будут запрещат. Также, егда из оных потребуются и в другие команды, то будут, яко предуготовленныя люди. В перемене ж оных собранных людей другими двумя стами душами на всякое время вождь не запрещает.

7-е. И егда повелени на сие Правителствующего Сената воспоследуют, то в скорости исполнением предписанное окончано от нас быть может.

8-е. Шуйская Воеводская Канцелярия представлять имеет, чтоб повелено было требовать ис казенной продажи в город Шую в продажу ш пороху сто пуд, свинцу триста пуд, чтоб сие число на всегдашнее время в продажу было готово.

На подлинном рука приложена тако: Надворной советник Соломон, Михайлов сын, Марков руку приложил—посему согласуюсь и вооруженных при себе людей иметь семь человек в готовности и с протчими крестьянами в защищение города и уезда буду.

На подлинном рука приложена тако:
Ротмистр Сергей Кашинцов руку приложил.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Здесь печатается в значительно дополненном и переработанном виде одна из глав доклада, читанного автором 2 апреля 1925 г. в секции „Старая Москва“, 4 ноября того же года в Культурно-Исторической секции Общества изучения Московской губернии и 28 мая 1928 г. в обществе Истории и Древностей Российских при I М. Г. У.

В работе покойного профессора А. Н. Филиппова—„Москва и Пугачев в июле и августе 1774 года“ („Труды Общества изучения Казакстана,“ т. V, Оренбург, 1925 и отдельном оттиске) „губерия“ затронута бегло и недостаточно: положенная автором в основу своего очерка „книга секретным протоколам Сената“ за 1770—1774 г. г. (находящ[аяся] в Доев[ом] хранилище, бывш. М. Г. А. М. Ю.) не давала необходимого материала. Между тем, не подлежит, конечно, сомнению, что обширная Московская губерния времени Пугачевщины, этот традиционный действительный центр страны, не должна остаться без исследования в ее отношении к названному движению. Таким путем, в частности, удобнее всего подойти к крит[ике] [теории], сводящей Пугачевщину до роли восстания „колоний“ против „метрополи[и]“ Автором подготовляется к печати труд, посвященный вопросу в целом. Материал для публикуемой здесь части взят в основном из дела о Пугачеве канцелярии Московского губернатора гр. Ф. А. Остермана, которое хранится в Отделе Архива Государственного Исторического Музея в составе Щукинского собрания под № 276; при этом учтены и данные, содержащиеся в упомянутой выше „Книге“ сенатских протоколов. По техническим соображениям автору пришлось отказаться от ссылок на эти два источника использованные им крайне обильно.

2. „Осмнадцатый век". Историч. сборник, изд. П. Бартеневым. Кн. 1 (вторым тиснением). М. 1859. Стр. 122—150—Ср. „Записки" Болотова.

3. Московская губерния до „Учреждения" 1775 г. занимала приблизительно ту территорию, которая до самого последнего времени была известна под названием „Центральной Промышленной Области".

4. Слухи, ходившие по уездам Московской губернии не опровергаются, так соответствующие факты предполагаются известными.

5. „Определение" Сената в отношении столицы подробно изложено в указа очерке А. Н. Филиппова.

6. Посланный Остерманом Бестужев в спешном порядке выслал из Влад и Суздаля 681 чел. пленных турок.

7. Именно: в вотчинах ведомства Государственной Коллегии Экономии—7002, в дворцовых—41, в вотчинах, отписных за долги по банковским конторам и выморочных ведомства Канцелярии Конфирмации—120, в ведении Московского Губернского Магистрата за долги по партикулярным векселям – 502, наконец, за разными помещиками—19419 душ.

8. По делу Медведчикова имела место небезынтересная переписка. Губернатор приказал 6 августа сообщить Тульской Провинциальной Канцелярии, что, к его неудоумению, она не только подвела Медведчикова, на основании его допросных речей, под определенные статьи и указы, показавшиеся ей соответствующими, но и „мнение свое положила", требуя от губернатора лишь конфирмации. Между тем, мнение это не согласно ни с губернаторским, ни с воеводским наказами. В силу посланных указов Канцелярии следовало бы ограничиться снятием допроса и высылкой разгласителя в Москву. Губернаторское определение заканчивалось предписанием подчиниться распоряжениям центра и переслать Медведчикова немедленно к кн. М. Н. Волконскому. В своем ответе губернатору от 10 августа Тульская Провинциальная Канцелярия, оправдываясь, указывала, что в отношении Медведчикова она сие учинила не для чего иного, как единственно для общего покоя". В полученных из столицы указах ничего не сказано о высылке пойманных „злодеев" в Москву.

Так, с достоинством ответил Москве провинциальный город, которому через год пришлось стать губернским.

Характерно, что в одном из августовских писем своих к кн. М. Н. Волконскому импер. Екатерина сообщила корреспонденту о намерении лечить тульских оружейников от происшедших беспокойств передачей Тульскому Оружейному заводу внушительного заказа на ружья.

9. Ср. Д. И. Малинин „Отголоски Пугачевщины в Мещовском уезде" в вып. XXI „Известий Калужской Ученой Архивной Комиссии".

10. В „полном собрании" 1 августа не было единодушия среди присутствовавших. В оппозиции большинству оказался сенатор Д. В. Волков, тот самый, на которого 25-го июля предполагалось Сенатом возложить перепись и вооружение фабричных в Москве на случай нападения Пугачева. В особом мнении, заслушенном Сенатом лишь 23 сентября, Волков высказывался в том смысле, что во избежание „разногласий", кои могли бы „произвести... излишние безпокойства", необходимо предоставить Волконскому право „давать... прямо от себя наставления и резолюции" по поводу доходящих из городов сообщений и вестей о „злодее" и мерах предосторожности против него.

11. Согласно рапорта Конюшенной Дворцовой Канцелярии Сенату от 5 августа 1774 г., затребованные с Бронницкой волости 22 человека крестьян были к этому моменту „наряжены" и высланы в формировавшийся корпус.

В 1945

2022044326